

НАШИ ТАМ

БЕГЛЕЦЫ

АЛЕКСАНДР АВРАМЕНКО,
ВИКТОРИЯ ГЕТТО

ИСХОД

Виктория Гетто
Александр Михайлович Авраменко
Исход
Серия «Беглецы», книга 1
Серия «Наши там (Центрполиграф)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22601662

Исход: роман. / Авраменко А., Гетто В.: Центрполиграф; Москва; 2017

ISBN 978-5-227-07302-0

Аннотация

На своей земле, своему государству эти люди были не нужны. Более того, опасны своей памятью. Поэтому они ухватились за возможность покинуть этот мир, уйти в новые, неизвестные края, попытаться построить своё собственное государство, где будут реализованы их мечты и представления об идеальном устройстве жизни. Но, как обычно бывает, мечты слабо соприкасаются с реальностью. Да, новый мир. Да, новая жизнь. И вроде бы всё складывается хорошо, даже слишком. Но... Рядом с пришельцами с Земли живут аборигены. Такие же точно, как беглецы. Их мир очень похож на Европу Первой мировой войны. И точно так же, как и когда-то на Земле, бушует пламя пожаров, цепи солдат штурмуют окопы врага. И точно так же мировая война перерастает в революцию... Остаться

бесстрастным наблюдателем? Как-то это не по-человечески. Не по душе пришельцам. Рождённым в СССР...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	14
Глава 2	33
Глава 3	53
Глава 4	72
Глава 5	89
Глава 6	109
Глава 7	125
Конец ознакомительного фрагмента.	131

Александр Авраменко, Виктория Гетто Исход

Пролог

Пошли! Пошли!! Пошли!!!

Не издававшие ни единого звука, кроме тяжёлого дыхания и сопения людей, тянущих тяжёлую ношу, тёмные тени рванули ещё быстрее по мрачному, изрытому воронками полю.

– Пеленг?

– Двадцать два! – отозвался отрывистый голос одной из теней.

Группа резко изменила направление бега, сворачивая к небольшому холму, практически не изменившему своей формы, несмотря на постоянные обстрелы. Ну, разве что массивное гранитное основание было исчиркано осколками бомб и снарядов крупного калибра.

Внезапно все, без команды, плюхнулись на мокрую землю. Луч мощного прожектора скользнул над притаившимися людьми. «МиГ» ушёл дальше, выхватывая в своём слепящем сиянии изуродованную землю, разбросанные повсюду

группы, обломки оружия и кольев с обрывками колючей проволоки. Одна голова неизвестных теней чуть приподнялась, надвинула на глаза ноктовизор и выругалась – прибор не работал.

– Что?

– Засветили, сволочи!

– А я предупреждал – выключи!

– Так я...

– Всё! Прекратили галдёж. Чисто!

Тени вновь поднялись, уже не особо скрываясь, приблизились к холму. Короткое движение расплывчатой во мраке руки – и группа спокойно двинулась прямо сквозь камень. Точнее, через его голографию. Резкий поворот в свете ручных фонарей – и все оказались в небольшом тамбуре, в стене которого нелепо красовалась большая металлическая дверь корабельного типа. С натугой один из группы крутанул колесо-задрайку в центре, оно послушно щёлкнуло, потом провернулось, и, ухватившись за его края, двое из неизвестных людей распахнули толстый броневой лист до упора. Все рванули вперёд, бесцеремонно волоча по полу неподвижное тело в непривычной глазу униформе. Едва последний миновал вход в тоннель, стоявший до этого в стороне человек, открывавший двери, шагнул обратно. Короткая манипуляция, и с глухим лязгом вошедших в пазы затворов дверь-люк стала на место. Люди бессильно попадали на пол. Кое-кто вытащил флягу, жадно глотая ледяную от пребывания на ок-

тябрьском воздухе воду, кто-то меланхолично жевал шоколад. Некоторые просто расстегнули куртки военного образца, жадно вбирая лёгкими воздухом.

Так прошло минут пять. Потом тот, кто закрывал проход, встал. Его шатнуло, но, ухватившись за стену, человек удержался на ногах. Привычным жестом забросил автомат за спину и подошёл к принесённому ими телу, неподвижно лежавшему на полу. Ткнул носком грязного берца в бок щегольской шинели болотного цвета. Пленный не шевельнулся. Человек нагнулся, пощупал жилу на виске. Ощутил слабую пульсацию, облегчённо вздохнул:

– Живой. Я уж испугался. Ты, Серый, в следующий раз хоть силу соизмеряй, когда бить будешь!

Широкоплечий крепыш обиженно ответил:

– А я что? Я ничего. Что я, виноват, что они тут все такие хлюпики?

Тот, кому он отвечал, устало махнул рукой:

– Не бери в голову. Это я про себя.

Серый, или Сергей, молча отвернулся. Затем сунул руку в свой вещевой мешок, вытащил оттуда газету, развернул. Увы. Силы светодиодного фонаря для чтения было мало. Со вздохом сложил газетный лист, засунул обратно в мешок.

– Что там? – подал голос с любопытством наблюдающий за действиями напарника член группы.

– Один Локи знает, чего там накорябано. Придём домой

– разберёмся. Сейчас нет желания глаза ломать.
– М-м-м... – донёсся с пола негромкий стон.
Лежащий военный шевельнул рукой, дрогнули пальцы.
– Опаньки! Ожил!
– Тем лучше. Хоть тащить не надо будет. Сам побежит.
– Угу.
– Так, народ. Поднимаемся и двигаем. Нам ещё час шлёпать до базы.

Группа зашевелилась, поднимаясь с облицованного неизвестным материалом пыльного пола и отряхивая одежду. Старший подошёл к уже вовсю ворочающему глазами из стороны в сторону пленнику, снова ткнул его носком берца.

– Эй, поднимайся. – Подкрепил свои слова жестом.

Тот медленно, с осторожностью стал вставать, озираясь. Потом вдруг схватился за бок, лапнув пустую кобуру щегольской жёлтой кожи. Один из группы ухмыльнулся, выудил из-за пазухи необычного вида револьвер с коротким стволом, показал пленному:

– Видел? – Засунул обратно, ткнул его стволом калаша, беззлобно произнёс: – Двигай.

По-видимому, пленник сообразил, что сопротивляться бесполезно – в свете ядовито белых лучей фонариков вокруг него находилось больше двадцати человек. Все с оружием, пусть и незнакомым, от этого не ставшим менее смертоносным. Постепенно первая реакция злобы и ненависти сменилась удивлением – он никогда не видел ничего подобно-

го. Всё верно – оружие совершенно неизвестной конструкции, непривычная, но, похоже, очень удобная однообразная одежда на всех, в пятнах разного цвета. На голове – вязанные шапочки, опять же совершенно незнакомого фасона. Да и переговаривались они на ни одном из известным ему языков. Только слышал он всего пока пару-тройку предложений. Но даже этих коротких фраз было достаточно, что враги, а кто ещё мог захватить в плен его, офицера доблестной императорской армии Русин, явно не принадлежат ни к пруссам, ни к гонведам, с которыми уже второй год воюет Империя. Тогда кто они? И откуда? И что за тоннель?

Между тем неизвестные после короткой команды послушно двинулись в глубину вырубленного в камне тоннеля, освещая себе путь тем самым ядовитым светом. Пленного мягко подтолкнули в спину, давая понять, что следует двигаться. Ничего не оставалось, как подчиниться. Топая ногами, Пётр Рарог послушно двинулся за широкой спиной, обтянутой плотной материей. Тоннель уходил всё дальше и дальше в глубину, суживаясь с каждым шагом. Иногда на стенах можно было различить следы обработки их исполинским механизмом, и тогда пленник невольно вжимал голову в плечи. К тому же идти становилось всё тяжелее.

Но всему когда-то приходит конец. Группа замерла, тот, кто шёл впереди, завоzilся у двери, больше напоминавшей корабельный люк, – Петру довелось побывать на гордости Императорского флота, броненосце «Неукротимый», где он

видел точно такие же двери. Скрип. Пахнуло свежим, почему-то тёплым воздухом, и по глазам, уже привыкшим к мраку, окружавшему его в тоннеле, резануло яркое дневное солнце. Получается, что они шли больше двенадцати часов? Не может быть! Максимум час! Что за...

Замешкавшегося на выходе пленника вытолкнули наружу, разведчики сбрасывали с плеч набитые до отказа вещевые мешки, спокойно опускались на землю, покрытую толстым слоем опавшей хвои, подставляли свои лица яркому летнему солнцу. Шёл июнь две тысячи восемнадцатого года. На Земле. Пленник удивлённо озирался по сторонам, разглядывая могучие мачтовые сосны, окружавшие его. Чуть поодаль едва заметно коптила полевая кухня на никогда не виданных им толстых гуттаперчевых колёсах. Стояла изготовленная из тонких металлических труб мебель – столы и стулья, обтянутые неизвестным ему гладким материалом разного цвета, от синего до жёлтого. Тянулись ряды длинных палаток из толстого брезента, с забранными тесёмками окнами, возле которых копошились дети и женщины. Ещё – выложенные камнями тропинки, грибки с часовыми – всё напоминало военный лагерь. Мерно тарахтел незнакомый механизм. Возле непонятного назначения приборов, громоздившихся на столе из толстых плах, в напряжённой позе застыл одетый в пятнистую униформу, явно оттуда же, откуда и одежда захватчиков, человек с длинными волосами, забранными на затылке в хвост. Поправив наушники с огромными

телефонами, человек смерил пленника коротким взглядом, затем что-то обрадованно воскликнул, торопливо затараторил на том же непонятном языке, что изъяснялись и остальные. Только сейчас Пётр рассмотрел тоненькую металлическую блестящую трубочку, подходящую к его рту...

От разглядывания его отвлёк лёгкий толчок в спину. Обернулся. Перед ним стоял широкоплечий мужчина, намного крупнее его, с тем же незнакомым оружием в руках. Что-то коротко произнёс, повёл стволом в сторону палаток. Понятно, приказывает идти. Ну, может, хоть сейчас что-нибудь проясниться...

В палатке Рарога ждали. За большим столом из металла и того же неизвестного ему материала сидели шесть человек. Все среднего, если не старше, возраста, чем-то неуловимо похожие друг на друга. На одном было невиданного фасона пенсне с тёмными стёклами, отчего человек напоминал слепого. Все с любопытством рассматривали пленника. Затем обратились к его конвоиру. Пётр напрягся, пытаюсь разобрать хоть что-нибудь. Тщетно. Совершенно незнакомая речь.

Послышался шорох ткани, пленник обернулся. В палатку входили захватившие его люди со своими мешками. Построились в шеренгу. Старший коротко доложил, даже показал на него, Рарога. Вытащил из куртки бумаги, в которых Пётр узнал свои документы. Протянул «слепому». Тот взял, раскрыл, внимательно посмотрев, передал соседу. Тот

после точно такой же процедуры – дальше. А разведчики стали выгружать содержимое своих мешков прямо на дощатый пол. Русич с удивлением смотрел на газеты, книги, игрушки, инструменты, патроны и гильзы, монеты... Зачем им старая одежда?! Или выщербленный топор? Набор для игры в тавлеи и книжка детских лубков? В чём смысл такого поиска? Последним легло оружие. Две винтовки, русийская и прусская. Его собственный многозарядный револьвер системы Грушина. Россыпь патронов разного калибра, ручная бомба. Бебут. Стандартный гонведский ножевой штык, неведомыми путями оказавшийся тут.

Окинув взглядом добычу, «слепой» едва заметно ухмыльнулся, ухватил газетный лист, развернул. Петру было хорошо видно название издания – «Императорский вестник». Причём, как он разглядел, старый номер. Едва ли не месячной давности. Рядом чуть слышно стукнуло. Он вздрогнул от неожиданности, повернул голову – возле него просто поставили стул. Из того самого неизвестного ему гладкого блестящего материала. «Слепой» указал ему на него. Понятно. Предлагает сесть. Пётр с опаской опустился на сиденье – конструкция не только выглядела непривычной, но и казалась хлипкой. Не хватало только растянуться на чужих глазах. К его удивлению, стул был удобным, и, как стало понятно, прочным.

Вежливо подождав, пока офицер усядется, «слепой» сделал непонятный жест, и один из бывших с ним в палатке лю-

дей заговорил на русском. Правда, исковерканном, с сильным акцентом, но понятном:

– Представьтесь, пожалуйста, молодой человек.

– Пётр Рарог. Прапорщик Императорской армии Русин.

На вопросы, касающиеся военной тайны, я отвечать не буду.

– Почему?

– Я давал присягу и офицерской чести не нарушу.

– Понятно.

Спрашивавший перевёл, и «слепой» удовлетворённо кивнул. Что-то коротко спросил, переводчик снова заговорил:

– Ваши военные тайны нам неинтересны. Лучше расскажите нам о Русин.

– О Руси?

– Да. Об Империи.

– Зачем? Каждому интеллигентному человеку достаточно лишь выйти на улицу...

– Молодой человек, отвечайте на вопрос.

– Но я не совсем понимаю, что вас интересует?

– Всё, – последовал спокойный ответ. – Абсолютно всё.

От того, кто и как правит страной, до любимого напитка последнего извозчика на вокзалах столицы. Кстати, как она называется?

Прапорщик опешил: не знать таких элементарных вещей? Известных всем и каждому? Да кто они такие?! Куда он попал?..

Глава 1

Всё шло как обычно: тлеющий конфликт на окраинах страны в очередной раз вспыхнул ярким пламенем после того, как в него подкинули новую партию долларов. Затем ввели новые санкции, сразу же проявившие себя на полках магазинов, где продавцы усердно переписывали ценники по несколько раз в день. Дальше, естественно, подскочили цены на бензин, жилищно-коммунальные услуги. С экранов телевизоров лоснящиеся от жира морды «экспертов» и политологов усердно разъясняли обнищавшему до последней крайности населению, что это всё во благо проживающих в государстве людей и оно простимулирует их трудоспособность.

Словом, всё как всегда. За одним исключением. Люди, живущие в стране, всегда отличались своим терпением, но даже ему приходит предел. И народ начал задумываться: что не понравилось властям предержащим? Нет, речь шла не о тех, кто официально стоял у кормила власти. Они были слишком заняты другим. К примеру, как удержаться на своём посту, как набить карманы, чтобы обеспечить себя и своих потомков роскошной жизнью в других странах, когда придёт время уходить на пенсию, потому что оставаться в государстве, где их усилиями были полностью уничтожена экономика, здравоохранение и образование, никто из этих людей, естественно, не собирался. Но люди, выживающие на

одной шестой части суши, уже подошли к грани, за которой реально светился бунт. Не революция, а именно бунт. Жестокий, кровавый и беспощадный. Я вернулся домой после очередной поездки на заработки и обнаружил, что жить, как всегда, стало ещё хуже и ещё тяжелее. Три месяца в окопах, потому что где ещё можно заработать, как не на войне, смогли погасить кое-какие долги, привести чуть-чуть в порядок разваливающуюся от ветхости квартиру в панельном доме полувековой постройки. Впрочем, может, именно то, что наше жильё было построено ещё при канувшем в бездну времени «золотом» времени социализма, и помогало девятиэтажному дому не рассыпаться от ветхости и безграмотной постройки, чем грешили фешенебельные таунхаусы и элитные небоскрёбы, возводимые руками безграмотных гастарбайтеров из азиатских регионов.

После того как болевшая в последнее время жена легла спать, утомлённая хлопотами на кухне в честь возвращения мужа, я сел за компьютер. Все три месяца в грязи, крови и пороховой гари связи и выхода в Интернет у меня не было. Писем в почтовом ящике накопилось огромное количество. В большинстве, разумеется, спам. Но и посланий от друзей было немало. Попадались деловые письма от администраторов немногих форумов, на которых я пропадал, когда была такая возможность, их я прочитывал с особым вниманием, потому что грамотных людей, а я мог себя отнести к таковым, благо в своё время мне повезло, и я успел закон-

читать МЭИ до того, как страна развалилась, при демократии стало куда меньше. Гораздо больше появилось «эффективных менеджеров», не умеющих связать и двух слов. С каждым разом ездить на «работу» становилось всё тяжелее, возраст начинал сказываться, дети уже выросли, завели свои семьи. Дочка, изуродованная генетически модифицированными продуктами, никак не могла родить, хотя уже собиралась отпраздновать третью круглую дату в своей жизни. Младший сын как-то крутился, расставшись с очередной кандидаткой на его вторую половину, – она просто ушла, не выдержав вечного безденежья и обречённости существования. Нормальной работы он найти не мог, потому что не имел ни мохнатой лапы, ни модной сексуальной ориентации, предпочитая мужчинам женщин, а на сколько-нибудь приличные зарплаты работодатели предпочитали нанимать приезжих, с которых можно было снимать часть зарплаты в свой карман. Местным же приходилось платить более-менее честно, да ещё обеспечивать социальный минимум, всё ещё, к удивлению многих, не отменённый в борьбе с инфляцией. Парень уже не раз просился со мной, но я не был бы отцом, если бы потащил его, не умеющего ничего, что требовалось нормальному наёмнику-добровольцу, в мясорубку, которой стал долгий конфликт на юго-западной границе...

Открыв очередное послание, я удивился. Причём очень. Короткий номер банковского шифра в государственном кредитном учреждении. Три слова в объяснение: «Приезжай,

нужно встретиться». Письмо было от админа одного из форумов, на котором я сидел уже больше десяти лет и заочно знал каждого из его членов. Иногда мы даже встречались, только последняя встреча произошла очень давно, потому что практически никто из нас не мог себе позволить в последующем траты на поездку. А тут...

– Пап, ты чего застыл? – просунул сын голову ко мне в комнату, заглядывая через плечо в монитор ноутбука.

Я машинально вытащил сигарету, собираясь закурить, но тут же вновь засунул её в пачку – супруга очень не любила, когда я курил в комнате. Поэтому такое проделывалось изредка, когда она уходила на работу.

– Да письмо прислали. Приглашают на встречу.

– Кто?

Вовка всегда был любопытным, хотя умел держать язык за зубами, когда нужно.

– Друзья. Приглашают на встречу.

Я ещё раз взглянул на дату – свежее. Неделю назад получил. Махнул рукой парню:

– Я тут чуть ещё пообщаюсь и лягу спать. Завтра дел полно.

Сын кивнул и ушёл. Я же, напялив на шею наушники – на уши не любил, сильно давили, – вошёл в скайп. Наш чат всё ещё существовал, и, к моему удивлению, в нём было достаточно народу, несмотря на поздний час. После приветствия и как только схлынули поздравления с удачным возвраще-

нием, я поинтересовался, что произошло. Никто ничего не знал, но в личку мне пришло сообщение от админа с адресом и телефоном плюс пожелание заткнуться на эту тему. Обижаться я не стал – он всегда был резким парнем, так что за годы совместного сидения в Сети мы уже привыкли к его закидонам, тем более что после каждого раза тот, остыв, долго извинялся. Подтвердив получение координат, я отключился. Действительно пора спать. Супруга мирно посапывала рядом, и я забросив руки за голову, вытянулся. Долго не мог уснуть из-за того, что отвык от тишины, чистого воздуха без гари и копоти, отсутствия монотонной артиллерийской стрельбы... Незаметно для себя всё-таки задремал. А когда проснулся, жена уже ушла на работу, оставив записку со списком покупок. Я снова включил комп, переписал номер счёта, затем набрал номер, скинутый мне вчера.

– Слушаю.

Я назвал свой ник.

В трубке облегчённо вздохнули:

– Ты, Миха?

– Я. Что случилось?

Голос собеседника был бодрым и, к моему величайшему удивлению, весёлым.

– Всё нормально, но мы тут собираемся через месяц... – Он назвал место где-то в карельских лесах. Затем пояснил: – Я тебе скину карту для навигатора, так что доедешь. И... – После почти незаметной паузы добавил: – Проторчим там

неделю. Рыбалка, охота, палатки. Правда, с удобствами. Так что бери свою семью...

То, что я удивился, мягко сказано...

– Ну и прихвати с собой, по возможности, рабочий инструмент. Может, придётся помочь в обустройстве лагеря.

– Да без проблем. Знаешь, как руки соскучились...

Мишка хихикнул:

– По обеим специальностям. И желательно по максимуму.

Щёлк! Я насторожился:

– А семью зачем?

– Там узнаешь. Но бери обязательно.

С этими словами мой собеседник отключился. Резко, как всегда. Я задумчиво взглянул на старую «трубу», которую вертел в руках, убрал её в чехол на поясе. Однако...

Подошёл к окну, взглянул во двор – моя машина стояла на месте. Из своей комнаты высунулся всколоченный ото сна сын.

– А, Вов. Ты вовремя. Тачка на ходу?

– Неделю назад заводили. Гоняли аккумулятор, вроде заводится без проблем.

– Хорошо. Я по магазинам, и, желательно, ты вместе со мной.

Парень махнул рукой:

– Сейчас. Только умоюсь да побреюсь.

– Давай. А я кофейку сварганю...

Со вчерашнего праздничного ужина в честь возвращения

главы семьи осталось много чего, поэтому готовить не пришлось. Вскоре ко мне присоединился и сын. Мы молча позавтракали, затем спустились во двор. Машина была покрыта толстым слоем пыли, но это ерунда. Главное – как движок и ходовая. К моему удивлению, изделие вражеского автопрома заработало безупречно. «Чек» не горел, бензина – почти четверть бака.

– Поехали.

Я пристегнул ремень безопасности. Вовка плюхнулся рядом, взмолился:

– Только музыку не включай.

Я усмехнулся – мои вкусы трудно назвать нормальными: либо древний, забытый рок, либо сушая экзотика – Корея и Япония... Быстро закупились в торговом центре за городом, забили багажник и заднее сиденье до отказа. Прикинул время – успеваем.

– Сейчас в банк заскочим. Надо денежку получить...

Сын с завистью взглянул на меня – с его хроническим безденежьем... Мы успели, и кассир, едва я назвал шифр и предъявил паспорт, без вопросов отстегнула мне довольно увесистую сумму, едва ли не больше, чем я привёз с собой. С чего это вдруг Серый забогател?!

Едва я вышел из банка и уселся на водительское место, как зазвонил сотовый, Удивлённо взглянул на номер, состоящий едва ли не из двадцати цифр.

– Алло?

– Миха, ты?

– Серый?

– Бабки ты получил, мне эсэмэска пришла. Так что бери ноги в руки, и вперёд. Ждём тебя не позже чем через неделю в условленном месте. С собой бери как можно больше всего – жрачку, принадлежности для жизни в лесу, купи генератор киловатт на восемь и, желательно, возьми прицеп к машине. Побольше инструмента по своей второй специальности, вместе с расходниками...

Я насторожился:

– Как много?

– Чем больше, тем лучше. По максимуму.

– Лады.

– И не задерживайся. Забирай всех своих обязательно. Второй такой встречи уже не будет. Считай, только тебя и ждём...

Я задумчиво выбросил окуроч в окно. Взвыл привод, закрывая тонированное стекло.

– Что, пап?

– Ты сейчас чем занимаешься?

Вовка пожал плечами:

– Да, собственно, ничем. Нашу контору закрыли два дня назад. Без работы снова.

– Это есть гут.

Сын удивлённо взглянул на меня. Я пояснил:

– Нас приглашают на встречу. – Похлопал по груди, где в

кармане лежала толстая пачка купюр: – Даже деньги на проезд прислали.

– Меня тоже?

– Всех. И мать, и сестру. В Карелию поедем. Так что сейчас прокатимся до её работы, пусть берёт отпуск на неделю. А дочку утром известим, как со службы придёт.

Вовка расплылся в улыбке:

– Хоть раз всей семьёй съездим...

Я кивнул. Предстояло ещё немало дел.

Прежде всего я уломал свою половину, чтобы она написала заявление на отпуск. Пришлось самому пробиться к их начальству и намекнуть на то, что я соскучился по своей жене после возвращения из командировки, посему им следует отпустить её по просьбе мужа. Там поскрипели, но «телегу» подписали. Жена осталась дорабатывать, а я рванул к своему старому другу, с которым мы раньше вместе работали. Сашка оказался на месте, отдыхал после смены. После приветствий и рукопожатий он ввёл меня в курс дел, творящихся на старой фирме, и я поинтересовался, где что лучше купить. Барон, так его прозвали с моей лёгкий руки, всегда был в курсе всего в округе, и быстро выдал свои рекомендации, правда отсоветовав мне покупать генератор. По его словам, они с ребятами собрали пятисотки-ловатник, восстановив брошенный на стройке. По габаритам он влезал в стандартный двухосный «тонар», который я мог легко утащить своим чудом америкосовского автопрома. И просил он

за него сущие пустяки. По старой дружбе.

Покончив с этим делом, мы помчались домой, выгрузили покупки и рванули за прицепом, что заняло у нас часа два, потому что пришлось ехать за город. Заодно по пути купили кое-что из необходимого для путешествия – большую утеплённую палатку, надувные кровати, туристическую одежду, продукты, словом, всё необходимое для поездки на природу на неделю. Даже портативный душ. Денег Серый подогнал очень много.

Вернувшись домой, я съездил за женой. Насупленный вид половины не обещал ничего хорошего: судя по всему, мой визит к их руководству вывел супругу из себя. Но всё же конфликт удалось погасить, и она с головой окунулась в сборы. Мы же с сыном занялись машиной – требовалось всё проверить для дальней дороги, ну и смотаться за генератором. Тот был не новым, но очень в приличном состоянии. С помощью чьей-то матери и прочих поддерживающих дух и тело словечек, талями мы затащили его на сразу просевший прицеп, вернулись домой. Оставалось последнее – расходные материалы и инструменты по моей второй и сейчас основной специальности. Пришлось снова ехать на ночь глядя далеко за город.

Остановились на обочине в условленном месте, посигналили фонариком. Нам ответили. Съехав по едва видимой во тьме дороге, проехали с полкилометра, став под сенью могучих елей. Оставалось ждать. Недолго. Минут пятнадцать.

Через условленное время подъехал пошарпанный «патриот», и оттуда вылез Посредник, в своё время устроивший меня на «работу». Получив деньги, он кивнул, открыв багажник, и мы с сыном приступили к работе. Длинный ящик с калашами 7,62. Мелкий калибр я не любил ещё с армии. Заботливо укутанная в промасленные тряпки СВД без прицела. Небольшой ящик с югославскими ТТ, два полных цинка патронов к ним, здоровый ящик с патронами для автоматов, укупорка с гранатами. Отдельно – один «Шмель». Словом, денег едва-едва хватило расплатиться. Но я не унывал: на дорогу туда и обратно было, а в Карелии, судя по всему, затевалось что-то очень интересное. При расставании Посредник, высокий молчаливый мужчина с совершенно седыми волосами протянул мне аккуратно сложенные «Визит 2 м».

– В подарок.

Первые слова, произнесённые им за всё время. Сын, помогавший грузить машину, ошарашенно взглянул на меня. Я кивнул в ответ.

– Будет нужно – обращайся.

«Патриот» заурчал и тронулся с места.

– Уходим. – Хотя репутация у продавца была железобетонной, остеречься всё же стоило...

Но всё прошло без приключений, и наш груз был тщательно запрятан среди груды покупок и вещей. Сын остался ночевать в прицепе, на всякий пожарный, а я вернулся домой. Мы могли выезжать хоть утром, но нужно было дожидаться

дочь... Та приехала вовремя, договорившись о подмене на пару смен, поскольку сын умудрился переговорить с ней по телефону, пока я утрясал все неожиданно возникающие, как всегда, вопросы. Она тоже была искренне рада, что впервые за многие годы мы вместе выбираемся отдохнуть. Откровенно говоря, в последнее время мало кто мог себе позволить выехать не то что за границу, а вообще куда-либо, поскольку такая поездка могла оказаться не только последней в жизни вообще, но и просто не по карману простому человеку. Как правило, простой народ в стране давно уже жил от зарплаты до зарплаты...

Позавтракав, приняв напоследок цивилизованный душ, к обеду мы выехали в назначенное место. Возле Питера дочка, выспавшись на заднем сиденье, сменила меня за рулём, и мы без остановок проследовали дальше. В душе я опасался, что дочь будет лихачить, но она вела себя образцово, поскольку тяжёлый, гружённый на пределе собственной выносливости прицеп сдерживал её душевные порывы утопить педаль газа ниже уровня полака. Пара остановок работниками ГИБДД прошла без эксцессов. Провинциальных мастеров машинного доения до смерти напугали столичные полицейские корочки, небрежно продемонстрированные дочей, и поскольку связь у тех была и, как ни странно, даже функционировала, то дальнейший путь пролегал вообще без приключений.

Ровно через сутки мы приехали в указанный район, и я включил навигатор. Оказалось, что мы почти на месте. Лес-

ная дорога тоже нашлась без длительных поисков, и даже была довольно ухоженной. Так что уже через час мы въезжали в... как бы сказать лучше... лагерь. Самый настоящий лесной лагерь. К моему огромному удивлению, народа в нём очень много. Человек семьдесят, а то и больше. Все – старые знакомые. По Сети, разумеется. Кое-кого я видел в первый раз, это были знакомые знакомых. Серый, или Сергей, как его звали по-настоящему, ждал меня с нетерпением и приветствовал следующими словами:

– Ну, как? Удачно?

Я показал большим пальцем поднятой к плечу руки назад, где возле машины разминали ноги члены моей семьи, с любопытством рассматривающие стройные ряды стандартных армейских палаток, выстроившиеся на пологом берегу небольшого озера с чёрной, типичной для Карелии водой.

– Как видишь. Только с генератором не так получилось.

Сергей насторожился:

– Денег не хватило? Странно...

– Да нет. Решил «восьмёрку» не брать. Предложили по знакомству «пятисотку». Её и приволок. В прицепе стоит. Только она тяжёлая, зараза. Надо будет помочь. На солярке пашет.

Он расплылся в широченной улыбке:

– Вот же! Ты так не пугай! А что такой добыл – вообще замечательно! Я голову ломал, где бы помощней агрегат взять, а ты – раз и расстарался. Молоток, как чувствовал! – Он на-

брал в грудь воздуха, было заметно – волновался Серый не на шутку. – А с остальным как?

– Четыре калаша, патроны, СВД, пара ТТ, шесть гранат. Ещё один «Шмель».

У него даже кончик носа побелел.

– А ещё достать можешь?

Я пожал плечами:

– Без проблем. Были бы деньги...

– Бабки будут. Сколько понадобится. Но надо много. Чем больше, тем лучше.

Я нахмурился:

– Ты что, восстание решил поднять? Запасаешься? Или что по своим каналам узнал?

Он махнул рукой:

– Плюнь и забудь! Ничего подобного даже близко в мыслях нет! Тут дела куда серьёзнее завариваются. Услышишь – не поверишь! Кстати... Кого с собой привёз?

Я снова пожал плечами:

– Да как сказано, домашних. Сын да дочка. Ну и жена, естественно.

– Хорошо. – Сергей чуть прищурил глаза за стёклами тонированных очков, поскольку носил только такие – когда-то спалил глаза сваркой, с тех пор они не выдерживали сильного света. – А ещё есть надёжные люди?

– Смотря для чего. И кто именно нужен?

– Самые обычные люди. Рабочие, желательно специали-

сты, но честные. Кто умеет именно работать, а не деньги сшибать. Лучше, конечно, семейные. Ну и те, кто знает, что делать с оружием, когда оно есть. В руках.

Я снова насторожился:

– Ты лучше скажи, зачем тебе это? Раз восстание отпадает, получается, что ты чего-то пронюхал и надеешься отсидеться здесь, в глуши. А судя по тому, что торопил, всё это, большой П, случится со дня на день.

Серый опять махнул рукой:

– Глупости мелешь. Но кое в чём прав. Только будет не большой П, а маленький И.

– Что за И?

Он усмехнулся, затем повёл меня в палатку, где уселся на пластиковый стул, показал мне рукой на стоящую напротив лавку:

– Ты бы сел. А то мало ли...

У меня появились нехорошие предчувствия, но совету я последовал...

– Короче, Миха, решили мы уйти. Далеко. Где до нас никому не дотянуться. Но места там, прямо скажу, суровые. И люди, которые умеют что-то делать своими руками, нужны позарез. Пока собираем тех, кого знаем и в ком уверены. Добываем, где можем, стволы и боезапас, кое-какую технику и оборудование. Словом, тебя тоже приглашаем и твоих домашних. Сразу говорю: легко не будет. Так что решай. Это пока всё, что могу сказать.

Уходить? Куда? В карельскую глушь? Глупо. Народ мы уже избалованный цивилизацией. Да и Серёга на организатора новой секты не слишком похож. Он скорее вожак партизанского отряда. Впрочем, как и все мы. Не случайно уже столько лет общаемся, отмечаем лишних. Костяк – восемь человек. Остальные пришли позже. Но им мы тоже доверяем. А за столько лет и общения, и личных встреч узнали друг друга очень хорошо. И в глупостях я никогда не мог заподозрить никого из них. Тем более Серого.

– Ты чего-то темнишь, старый. Давай конкретнее.

– Конкретнее – вечером. Когда ребята вернутся оттуда. А пока занимай палатку, размещай своих, знакомься. Ну и подумай над моими словами насчёт оружия и людей. Чем больше, тем лучше. Но люди должны быть надёжными...

– Насчёт первого проблем нет, я уже сказал – всё упирается в деньги. А вот по поводу второго, Сергей, так скажу: не знаю, что ты затеваешь, но в аферах я не участвую. И никого из своих за собой не потащу. Не нравится – сейчас выгружу всё, что купил для тебя, переночую, отдохну до утра – и назад. И разойдёмся, как в море корабли.

Сергей улыбнулся:

– Думаешь, мне крышу снесло? Ошибаешься. Тут, геносе, такие дела завариваются... – Он подмигнул. – Куда там, всем попудайцам и менагерам и в голову не придёт! Куда круче и на самом деле!

– Что?!

Собственно говоря, сошлась наша компания в Сети на одной вещи. Конкретно – на острой нелюбви к тому мутному валу всевозможных так называемых попаданцев, крутых до невозможности мужчин и женщин, смотрящих на читателя с обложек многочисленных дешёвых романов. Нет, скажу сразу, и среди них попадались, прошу прощения, за тавтологию, нормальные вещи, но их было одна на тысячу, если не меньше, в сплошном потоке поделок графоманов. Особенно отличалось одно издательство, поднимавшее на этой мути неплохие деньги. Что поделать, наша страна проиграла. Пусть даже если вам ежедневно, еженощно и ежечасно внушают, что всё не так. На самом деле вы, граждане бывшей великой державы, получили свободу, и должны радоваться победе оголтелого, не знающего никаких ограничений дикого капитализма, не признающего никаких моральных ограничений. А то, что вас, извините, теперь считают быдлом, – так это всё ерунда. И что выдохнете от отравленных продуктов, а бесплатная медицина и образование отправились на дно Мирового океана, и что вашей зарплаты теперь хватает только на то, чтобы дышать, а не есть, – всего лишь вина почившей страны, потому что они построили слишком мало и непрочное. А что с тех времён прошло уже пятьдесят с лишним лет, и всё пока держится и работает, об этом как-то умалчивается... Словом, стало как в анекдоте, когда жулика спрашивают, куда он дел уворованные у народа пять миллиардов, а он отвечает, что у народа он не взял ни копейки, по-

тому что у нищего народа просто не может быть таких денег, и, следовательно, обвинения беспочвенны. Короче, граждане нынешнего обрубка от великой державы подсознательно чувствовали проигрыш и обиду за обман, и потому эти так называемые романы о попаданцах пользовались определённым успехом. Дельцы же набивали себе карманы...

Серый махнул рукой:

– Не буду тебя убеждать, скоро сам всё увидишь. Тут должны ещё двое подъехать наших, сразу всем всё и покажу, чтобы не повторять по десять раз. Пока выбирай себе палатку, пустых много, устраивайся, отдыхай.

Кинул взгляд на большой китайский будильник на батарееках, висящий на стене, добавил:

– Обед у нас через час. А ужин – в семь вечера. Повара наняты из местных, так что при них особо не распространяйся. Персонал уходит домой после двадцати, тогда и встретимся.

Он хлопнул меня по плечу и проводил к двери палатки, откинул полог, выпуская на улицу. А когда я сделал шаг к машине, где меня ожидала семья, едва слышно добавил:

– Такой шанс не каждому выдаётся, Миха, и раз в жизни. Так что подожди до вечера. Обещаю, не пожалеешь.

Я лишь пожал плечами в ответ на его слова, уже жалея в душе, что согласился сюда приехать. Никогда не думал, что у Серого снесёт крышу. Хотя... Кто знает. И откуда деньги на всё это? Он – скромный системный администратор. Марк – эмчезсник, и зарплата у него тоже не густая. Остальные та-

кие же, богатых среди нас не было. Все – так называемый рабочий класс. Ни менеджеров высшего звена, ни начальников отделов или директоров предприятий. Так что... На провокацию не тянуло – не те мы люди, чтобы ради нас выкладывать сумасшедшие, по нашим меркам, деньги. Так, мелочь, не стоящая внимания. Иначе нас давно уже упекли бы далеко и надолго... Так, выпускают люди пар в Сети, и достаточно. Убивать полицейских не пойдут, восстание поднимать не станут. Так что пусть себе занимаются кухонной оппозицией...

Глава 2

– Ну что там? – встретили меня домашние после встречи с Сергеем.

Я махнул рукой:

– Порядок. Сейчас отцепим прицеп, всё своё – в палатку. Пошли. Кстати, выберем сначала. Потом отдых. Через час – обед.

Столбы располагались под большим навесом, крытым еловыми ветками. Санузел – шесть голубых кабинок на отшибе. Остальное узнаем попозже...

Загруженные вещами мы двинулись к свободной палатке, почти самой крайней. Нас провожали любопытные взгляды тех, кто приехал раньше. Мужчины, женщины, дети, подростки. Но как-то сразу подсознательно ощущалась некая общность. То ли то, что все мы были одного советского воспитания, то ли причастность к одному кругу, пока я не мог понять, и решил подождать, что скажет Сергей. В конце концов, мы выбрались из квартиры, да ещё все вместе. Лес, чистый воздух, озеро. На улице – начало июня. Уже можно купаться. Так что время зря не пропадёт, а до следующей «командировки» у меня ещё две недели.

Палатка оказалась большой, чистой. И даже уютной. Просто наповал убил душ. С бойлером. Аккуратная кабинка, облицованная пластиком. Вода в него накачивалась ручным

насосом, но быстро. Жена просто расцвела. Дети наперегонки принялись за накачку кроватей, свистя насосами, супруга стала раскладывать вещи, извлекая из чемоданов и сумок, ну а я отправился на разгрузку прицепа. Теперь при снятии генератора с прицепа вместо талей мы использовали ваги. Через полчаса усилий агрегат утвердился на дощатом основании, и я начал подключать уже раскинутые провода. Десять минут работы, последнее усилие гаечного ключа. Кто-то закачал «лягушкой» топливный бак. Стартер взвизгнул, с фырканием из трубы вырвался первый, чёрный клуб дыма, затем дизель схватил уверенно и ровно. Сразу все загудели. Загомонили, заулыбались.

Пользуясь тем, что внимание народа сконцентрировано на ДГУ, за их спинами несколько крепких парней уволокли ящики с оружием и боеприпасами в палатку Сергея, где он принимал меня по приезду. А тут и обед подоспел. Еле-еле отмыв руки, я пристроился за длинный стол, к своим, уже взявшим мне порцию. К удивлению, еда оказалась очень даже приличной. То ли из-за того, что её готовили на открытом огне – густой, наваристый борщ явно пахивал дымом, – то ли из-за того, что ели на свежем воздухе... Словом, я наяривал ложкой так, что за ушами трещало. Даже моя привередливая супруга нахваливала искусство поваров. Поев, мы убрали посуду, и я, вернувшись к себе в палатку, с удовольствием вытянулся на мягкой надувной кровати.

– Хорошо!..

– Ага. Тихо, спокойно. Никакой нервотрёпки... – Супруга плюхнулась рядом, и кровать заходила ходуном. От неожиданности она негромко взвизгнула. Потом рассмеялась: – Забыла.

– Ничего. Зато спать удобно.

– Угу.

Она устроилась на интегрированной в ложе подушке, прикрыла глаза. Я последовал её примеру, но не засыпал, пытаюсь понять, что затеял Серёга...

За мной пришли после ужина. Молоденькая девушка, одетая в плотную курточку и штаны из тонкого брезента. Стрельнув зелёными глазами на сына, оторвавшегося при её появлении от смартфона, тихонько представилась:

– Меня Светой зовут. Дядя Миша, вас к командиру зовут.

Жена бросила на меня вопрошающий взгляд, я недоумённо пожал плечами, потом сделал вид, что вспомнил:

– Точно, я же обещал посмотреть, что мы сможем ещё подключить.

Супруга успокоенно снова уткнулась в планшет, куда, как я знал, была закачана большая библиотека электронных книг.

– Веди, Сусанин...

Девчонка улыбнулась, вышла первой...

К моему удивлению, палатка была почти пустой. Сергей да наш костяк. В большой, двадцатипятиместной их было и незаметно. Посередине над большим столом, на который

было что-то свалено и тщательно прикрыто куском ткани, ярко горела лампочка-светодиодка. Негромко разговаривающие люди при моём появлении смолкли. Троих я узнал, мы встречались раньше – Старый Крыс, Эсминец и Инженер. Они поднялись со скамьи, поздоровались привычно крепким рукопожатием. Сергей осмотрелся:

– Все? Отлично. Начнём. Миша, глянь опытным взглядом и скажи: что это?

Он сдёрнул со стола ткань, показывая, что скрывалось под ней. Я повернул голову и замер... Это, без сомнения, было оружие. Но какое! И что-то мне напоминающее. Я медленно подошёл к столу, взял первый ствол. Винтовка. Шесть нарезов в стволе. Ложа из натурального дерева, с кольцами на стволе. Внизу – неотъёмный магазин. Чем-то похожа на знаменитую мосинскую трёхлинейку, но именно только похожа. Куда больший вес. Более длинный магазин, не на пять, а минимум на десять патронов. Скошенная назад ручка затвора, более крутое цевьё, заставляющее выворачивать кисть. Потянул затвор, тот мягко отошёл назад. Заглянул внутрь.

Как и думал – пусто. Патронов нет. Зато... Непонятный значок изготовителя. Я такой никогда не видел. Перевернул магазином к себе... Мне не показалось – совершенно незнакомые буквы, похожие на руны. Помедлив, положил обратно.

Следующим был револьвер. Восемь толстых патронов в толстом барабане, ужасно неудобный. И калибр... На глаз

– миллиметров десять. Как и у винтовки, кстати. Щёлкнул курком. Барабан провернулся. Тяжёлый, зараза. Вернул тоже назад, задержавшись взглядом на выбитом на рукоятке с деревянными щёчками абсолютно неизвестном гербе. Очередной экспонат просто завёл меня в тупик. Я никогда не мог представить себе ничего подобного. Ткнул пальцем в агрегат, какую-то смесь «Максима» и браунинга, да ещё с длинным изогнутым магазином сверху, как у «Брена».

– Это что?

Сергей хитро улыбнулся, отвечая по-одесски вопросом на вопрос:

– А ты что скажешь?

– Понятно, что оружие. Но какое-то неуклюжее. И явно не современное, старинное. То ли прошлый век, то ли вообще конец позапрошлого. А алфавит и гербы изготовителя мне совершенно незнакомы. Что за ерунда, Серый?

Он, не отвечая на вопрос, нагнулся, с натугой вытащил из-под стола большой ящик. Открыл крышку. Внутри лежали на первый взгляд обычные книги, газеты, журналы. За исключением того, что шрифт, которым они были напечатаны, тоже был совершенно незнакомым.

– Вот. А ещё есть одежда, документы, кое-какая мелочовка, деньги...

Он вытащил из кармана большой толстый кошелёк натуральной кожи, раскрыл, вытряхивая из него громадные, в две наши, купюры разного цвета и горсть мелочи. На всех

– тот самый непонятный шрифт, значки, герб. Предоставив нам время переварить увиденное, подошёл к углу палатки, где опять же под чехлом что-то громоздилось. Сдёрнул ткань, и перед нами предстал глобус... Только вот чего?

– Это ещё что?

Сергей победно улынулся и обвёл всех торжествующим взглядом:

– Это, камрады, и есть то место, куда я предлагаю переселиться. Всем нам. И нашим друзьям. Ну и тем, кого мы сможем с собой прихватить...

Я опустил на скамью, так вовремя оказавшуюся под моим задом. Да, он не шутил. Сергей был абсолютно серьёзен. Не обращая внимания на обалдевшее и не верящее выражение наших лиц, он спокойно стал рассказывать:

– Как я нашёл проход – история длинная и не слишком интересная. Гораздо больше смысла в том, что я обнаружил... – Он показал пальцем на глобус: – Итак... Мы имеем планету. По величине, как я понял, примерно такая же, как наша Земля. Уровень развития – примерно начало двадцатого века. Во всяком случае, оружие магазинное, как верно подметил Миха, и автоматическое. Это... – Сергей кивнул на громоздкое сооружение на столе, – местный пулемёт. Социальный строй – развитой капитализм. Имеются двигатели внутреннего сгорания, во всяком случае, нечто похожее на автомобили я видел собственными глазами, корабли. Те, правда, только на картинках. Фотография, как видите в газетах,

запечатлела зачатки авиации... – Он выудил из ящика большой старинный плакат, на котором на древней «этажерке» типа «фармана» на фоне кудрявых облаков летел затянутый в кожу с ног до головы тщедушный господинчик. – Ну и естественно, армии, и государства. Материков – три. Два больших, один ближе к северу, второй – к югу. И последний почти на экваторе. Плюс россыпь мелких, относительно конечно, островов. – Его палец ткнул в кучку цветных клякс. – Остальное – океан. Два естественных спутника. Воздух, как вы понимаете, пригоден для дыхания. Сила тяжести – чуть слабее, чем у нас. На глаз – 0,9–0,8 g. Климат типичный для всех соответствующих у нас широт. Что ещё... – Он задумался, но тут высунулся Старый Крыс:

– Капитализм, говоришь?

– Он самый. Насколько я понял, частная собственность у них в ходу.

– Ясно. Следовательно, достаточно развитой государственный аппарат имеется. Следовательно, жандармерия, полиция, документы, тайные службы.

– Само собой. Даже цари и императоры в наличии.

– И что ты предлагаешь конкретно, кроме ухода туда? Да и стоит ли? Менять шило на мыло?

Серёга нахмурился:

– Решать, уходить или нет, – вам. И только вам. Только сами видите... – Он обвёл рукой одну из стен палатки: – Что там? Да ничего хорошего. С каждым годом всё хуже и хуже

нам, простым смертным. И всё лучше им...

О ком шла речь, разъяснять не требовалось...

– Так почему бы не рискнуть, в конце концов? Хуже, чем здесь, уже не будет. Сами знаете. А там... С нашими мозгами, да нашей техникой, плюс наше оружие...

– Ага. И как ты себе это представляешь? – теперь в разговор вступил я. – У каждого оружия есть одна слабая черта – сколько бы ни было боеприпасов, они имеют свойство очень быстро заканчиваться. Там тебе не Голливуд и не компьютерные игрушки, как надо понимать. – Я в свою очередь ткнул пальцем в глобус.

Серёга снова улыбнулся:

– А я и не предлагаю воевать. Оружие нам понадобится только в случае чрезвычайных ситуаций. Ну и на первое время. Когда начнём сколачивать первоначальный капитал. А так... Почему бы не воспользоваться опытом кое-кого другого? Вспомните, как развалили нас? Протащили своих людей на ключевые посты. А в нужный момент – раз и...

Мы переглянулись. Потом Эсминец медленно произнёс:

– И как ты себе это представляешь?

Серый снова усмехнулся:

– А так же. Занять ключевые посты в промышленности, экономике, во власти. Постепенно перехватить бразды правления. А потом перестроить всё под себя.

Кто-то присвистнул:

– Ничего себе... Это сколько же времени уйдёт на всё?

– Много. Не уверен, что мы увидим результат. Но наши внуки-правнуки – точно. А потом... – Он зловеще ухмыльнулся: – Они вернутся...

Все снова переглянулись.

– А более конкретный план у тебя есть?

– В принципе, имеется. И я уже начал его осуществлять. Вы же здесь? Но... Пока всё идёт со скрипом. Не хватает всего. Да и завязки у меня тоже не бесконечные. Плюс кое-какие ограничения по переходу.

– Вес?

– Нет. Габариты. Ну и... – Он отвернулся к брезентовой стене: – Нас мало. А надо как можно больше народа. Это первое. Иначе нас просто ассимилируют аборигены. Дальше: мы все в основном рабочие люди. А нам нужны управленцы, специалисты с высшим образованием, причём не жертвы ЕГЭ, а со старым. Ну и конечно, долго тайну о переходе мы скрывать не сможем при всём желании.

– Нужны деньги. И большие, – задумчиво произнёс Эс-минец. Такое прозвище он получил за то, что в Сети выбрал себе имя одного из знаменитых кораблей этого класса.

– С деньгами особых проблем нет. Там золота – хоть одним местом ешь. Другое – как его реализовать без кидалова и... Там война идёт. В месте выхода. Позиционный тупик в самом расцвете сил. Одни упёрлись рогом, вторые постоянно лупят по их позициям из пушек. Так что выходить с гражданским населением под артобстрелом – чистое безумие.

– Позиционный тупик, говоришь... – настала моя очередь улыбаться. – Какие ограничения по габаритам?

Серый пожал плечами:

– Проход узкий. Из техники только мотоциклы пройдут. В целом виде. Всё остальное на руках. Метр двадцать в ширину, два сорок в высоту. Вот и рассчитывайте. И тянуть всё на себе. Пять километров под землёй.

– Тоннель?!

– Он самый, камрады. Он самый. Так что думайте.

– Самый простой вариант – дожидаться, пока кто-нибудь из воюющих захватит местность, где находится выход из тоннеля. И тогда идти. Тем более, в военной суматохе легче затеряться. Либо помочь любой из сторон сделать это.

– И как ты себе это представляешь?

– Перенести туда с десятков миномётов и устроить артналёт. Ну и пусть ребята потом режут друг друга. Одновременно запустить ДРГ в тылы противнику, чтобы пошумели. А дальше уже их проблемы.

– И кому помогать?

– Тут надо подумать, посмотреть, поспрашивать...

– Поспрашивать? Вот! Самое главное! Шрифт совершенно незнакомый. А язык кто знает? Их наречие? – Старый Крыс был в своём амплуа.

– Взять пленного. Пусть нас учит. В конце концов, не боги горшки обжигают. Тем более, раз там воюют, – ухмыльнулся я.

– Среди нас спецов по этим делам раз-два и обчёлся.

– Не проблема. Сколько надо будет, столько и найду. Тем более что ребята надёжные и проверенные в деле. Крови не боятся. Но воевать им уже обрыдло. И перспектив никаких. Если возьмём их с собой, то без проблем. Сколько народа надо?

Серый облегчённо вздохнул:

– Чем больше, тем лучше. В идеале – нам бы пару-тройку миллионов...

Я с трудом вернул отвисшую челюсть на место:

– Ты что?! Нас же за жабры сразу возьмут! Как такую кучу народа в тайне уволочь неизвестно куда?! Да только первые разговоры пойдут, как на нас сразу выйдут спецы! И поверь, могила нам лучшим выходом покажется!

– Правильно. Так что мечты оставим, а подумаем о реале. Если переведём хотя бы тысячу надёжных людей, то там... – Сергей показал опять на глобус, – нам будет легче.

– Ты говоришь, там золота навалом?

Серый развёл руки в стороны:

– Больше чем достаточно. У них медь вместо него. А золото – бросовый металл.

– А канал сбыта здесь?

Сергей замялся:

– Он разовый был. Я взял сколько мог. И всё. Если появлюсь опять, просто пристукнут. Всем интересно на новый прииск сесть.

– Думаю, эта проблема решаема, – снова подал я голос. – Там, где я работаю... – тоже махнул рукой в стену, – лишних вопросов не задают. Пару-тройку тонн сбавим без проблем. И будет и чем ребятам заплатить, и закупить необходимое. Но сначала неплохо бы сходить на ту сторону, посмотреть своими глазами.

– Это верно! – дружно поддержали меня все.

Сергей улыбнулся:

– Без проблем. Планируйте выход на завтра. Во второй половине дня.

– Идёт...

Я вернулся в нашу палатку настолько взбудораженный новостью, что мои домашние сразу обратили на это внимание.

– Что случилось? – подлетела первой жена.

Я махнул рукой:

– Кофе мне в этом доме дадут? За ним и расскажу.

Судя по всему, мой вид внушил родным нешуточное опасение, что случилось что-то плохое, поэтому спустя пять минут передо мной дымилась любимая кружка ароматного напитка и даже с лимоном. Сделав глоток, я улыбнулся:

– Чего разволновались? Всё нормально. Даже, можно сказать, отлично! Доча, завтра идёшь со мной на прогулку.

Ирина вскинула удивлённые глаза:

– Куда это?

– Сходим на охоту.

– Возьми лучше мелкого...

Брат был младше её, поэтому дочка позволяла себе так его называть.

– Да нет, Ир, лучше уж ты. По крайней мере, стрелять умеешь, в отличие от него.

– Я тоже в армии служил!

– Да? – ехидно улыбнулся я. – И сколько раз ты стрелял за службу? Три патрона на присягу?

Сын покраснел – крыть было нечем. А его сестра каждый месяц сдавала на службе зачёты по стрельбе. Ирина вздохнула:

– Тащиться с мужиками невесть куда... Пап, лучше я здесь останусь. Скажи, я не смогла...

– Вам сегодня котлеты понравились?

– Да! – Ответ был единодушным.

– Это лось. Вот за ним и пойдём.

Ирина сразу засуетилась:

– А с чем пойдём-то? У меня ничего нет...

– Дадут. Не переживай. Хорошая вещь, поверь.

Сын вскинул на меня задумчивый взгляд. Похоже, он уже догадался, что я предложу его сестре в качестве охотничьего ружья...

Вскоре мы улеглись и спали очень крепко. До самого завтрака. Разбудил нас звук ударов по подвешенной к ветке металлической плашке. А когда по лагерю снова поплыл звон сбора, мы всей семьёй двинулись в столовую. День обещал быть отличным – чистое небо, яркое, не по-северному тёп-

лое солнышко. Я задумчиво отхлёбывал из чашки чай, заедая его бутербродом с холодным жареным мясом и планируя наш поход. Нас идёт, как я понял, все восемь человек плюс моя дочура. Может, больше. А дальше, как говорится, всё зависит от нас. Насколько идём, как будут себя чувствовать все остальные. За себя я не боялся – регулярные на протяжении уже трёх лет «командировки» помогли мне восстановить неплохую физическую форму и навыки. Да и там я не терял времени зря, каждую свободную минуту по возможности тренируясь.

После обеда нас снова собрали в командирской палатке Серого. Он удивлённо взглянул на возвышавшуюся рядом со мной фигуру дочери, одетую в городской камуфляж:

– А...

– Ира работает в полиции. Так что всё в порядке.

Сергей согласно кивнул. Остальные, которых, как я и думал, оказалось восемь человек, промолчали.

– Тогда пошли экипироваться...

Мы зашли на вторую половину, отгороженную занавеской, и я чуть слышно присвистнул, когда Серый откинул деревянный щит, покрывавший пол, и моему взгляду представила выкопанная в песчаном грунте яма. Он шагнул на лестницу, ведущую вниз, махнул рукой:

– Все за мной.

Дочка со всё возрастающим удивлением взглянула на него, но благоразумно промолчала. Зато не преминула меня

подколоть, когда мы спустились вниз метров на шесть и оказались на дне:

– Не знала, что в Карелии лоси под землёй живут.

Я усмехнулся:

– Ты очень многого не знаешь. Но узнаешь. Поверь.

Вспыхнули светодиодные лампочки на потолке, и я с любопытством осмотрелся: вырубленный в граните узкий проход, ведущий куда-то внутрь, по верху тянется гирлянда светильников. Пройдя друг за другом метров пять, мы оказались в довольно большой внутренней камере, на стенах которой висела одежда всех размеров, преимущественно военного образца. Под ней стояли берцы, все одного типа, летние, с мощным голенищем, способным фиксировать голеностоп от вывиха. Возле одной из стен сооружена самодельная пирамида, в которой стояло знакомое, привезённое мной и ещё кем-то из наших оружие.

– Разбираем, – последовала негромкая команда Сергея, и мы все двинулись вооружаться.

Я выбрал себе облюбованный АКМС, а остолбеневшей дочери протянул СВД:

– Держи. Там лоси безрогие, зато на двух ногах.

Подобрал себе подсумок, сунул в него рожки, отошёл в сторону, к цинку с патронами, принялся привычно их снаряжать. Пара минут – и четыре штуки готовы. Два – в стандартный брезентовый подсумок, один – в карман камуфляжа, один – в автомат. Передёрнул затвор, поставил его сразу

на предохранитель. Клипсы использовать не стал. Идём на смотрины, шуметь – смерти подобно. Ирина смотрела на меня широко раскрытыми глазами, потом встряхнулась, принялась набивать патронами две запасные обоймы. Щелчок – и дочь удовлетворённо отставила оружие в сторону, стала натягивать выбранные ботинки.

– Броник брать не будешь?

– Не на дело идём. На разведку. Если нашумим, и броня не спасёт. – Ввернул деловито два запала.

Сунул одну гранату в нагрудный карман разгрузки, вторую – в сумку на поясе. Свой любимый полевой глоковский 78 с чёрным лезвием вложил в плечевые ножны, подтянул ремни разгрузки. Попрыгал. Вроде всё в порядке. Удобно, ничего не мешает, не лязгает. В специальной наспинной сумке рацион и трофейная пятиквартовая амери-косовская мягкая фляга, которую можно использовать вместо подушки. Словом, экипировался привычным для себя образом. Несмотря на браваду, отсутствие бронежилета немного напрягало. Но, здраво рассуждая, он мне сейчас будет только мешать. Дочка всё больше расширяющимися глазами наблюдала за мной. Я выбрал в ящике ТТ, уже снаряжённую запасную обойму, протянул ей:

– Возьми про запас. Не слишком утяжелит, а мало ли что...

– Так мы на охоту идём или куда?

– На охоту. И может быть очень жарко.

– Это я поняла! Ты лучше скажи, откуда ты всё это... – Она обвела вокруг рукой.

– Что? – не понял я.

Она, насупившись, пояснила:

– Ты куда в свои командировки ездешь?

– Потом расскажу.

Нас прервал Серый:

– Все готовы?

Народ молча кончил суету. Выстроился вдоль стены. Сергей прошёлся вдоль строя, раздавая налобные светодиодные фонарики. Самые обычные. Я сам таким пользовался, ещё когда работал на старой фирме.

– Пошли... – И первым нырнул в чёрный пятигранный провал, ведущий из вырубленной в граните комнаты...

Скажу сразу: ненавижу ползать под землёй. Особенно по таким шахтам. Можно сказать, у меня клаустрофобия на такие проходы. Поэтому я шагал, стиснув зубы и повторяя про себя: «Пять километров, пять километров». Всего пять километров! И их надо пройти. Мрачные стены и мрак, мгновенно сгущавшийся позади и едва пробивавшийся лучами налобного фонаря, давил на психику с мощностью тех тонн гранита, которые нависали надо мной. Хвала богам, что пол был на удивление ровный. За весь путь я не заметил ни камешка, ни трещинки, ни щели. Складывалось ощущение, что он не вырублен, а проплавлен в толще камня.

Наконец со вздохом нескрываемого облегчения мы выва-

лились в точно такую же камеру, высеченную в скале, как та, в которой мы экипировались. Единственным отличием от первой было наличие не просто прохода в камне, а и ещё и двери, закрываемой самой обычной морской задрайкой с колесом. Серый осмотрелся. Проверил нас всех. Затем набрал в грудь побольше воздуха, крутанул штурвал, чуть потянул толстенную дверь на себя, прошипел:

– Помогайте! Тяжёлая же!

Не раздумывая, мы все бросились к нему. Створка действительно оказалась увесистой и открылась с трудом.

– Слушаем!

Все замерли, напрягая слух. Но пока было слышно лишь наше усталое дыхание. Зато ощутилось другое: теперь я точно знал, что всё, что говорил Серый, чистая правда. Воздух был другой! Да и чувствовал я себя по-другому, намного легче. Хотя, по идее, должен был устать после пятикилометрового марша под камнем. Ирина удивлённо взглянула на меня, потом на нашего командира.

– Пошли. По одному. И тихо.

Снаружи оказалась ночь. Я, вспомнив его слова, поднял глаза к небу – действительно, по чёрному фону плыли два шарика. Размеры – меньше Луны. И цвет... У одной сиреневый, у второй – мрачно кровавый.

– Обычно он белый, просто сегодня полнолуние, – послышался рядом тихий шёпот Серого. Затем он распорядился: – Эсминец, Крыс – налево, в охранение. Миха с дочерью... э...

– Зовите меня Врединой, – неожиданно усмехнулась Ирина, поудобнее перехватывая тактической перчаткой свою СВД.

– Страхуйте отсюда. Инженер, Владыка Войны – направо пятьдесят. Остальные – за мной. Дистанция пятьдесят метров. И – тихо!

Он скользнул в темноту, по изрытой снарядами земле. Дочка бросила короткий взгляд на небо, потом шёпотом спросила:

– Охота начинается?

– Пока разведка. Охота будет после. Когда убедимся, что всё верно.

Ирина сощурила глаза под вязаной тактической шапочкой, прихваченной ею несмотря на стоящую у нас жару.

– Интересно, где это мы?

Теперь усмехнулся я:

– В нашем будущем доме, доча. Кажется, мы переезжаем сюда. – И подхватил свой калаш: – Пошли.

Пригибаясь к земле, короткими перебежками, петляя между воронок, мы догнали наших, молча проскользнули вперёд, выбрали себе ямку побольше, устроились в ней, внимательно контролируя полосу впереди нас, насколько удавалось видеть. Вскоре послышалось сопение: миновав нас, народ прополз дальше. Серёга на мгновение остановился, прохрипел:

– Впереди, метрах в трёхстах – кустарник. За ним будет

нормальный лес. А там и дорога. Выйдем – передохнём.

Я кивнул, всматриваясь в темноту. Тихо. Даже странно. А говорил, что здесь война. Ни трупов, и воронки уже воняют. Старые. Хотя... Небольшой бугорок метрах в десяти от нас оказался оторванной скрюченной кистью руки. Убедился. Серый врать не станет.

Глава 3

Два одетых в коричневые длинные плащи, или шинели, солдата проходят мимо ребят, вжимающихся в мокрую глину. Хвала богам, не замечают, и дочь, готовая в любой момент спустить курок, медленно опускает ствол винтовки. Я, в отличие от неё, не расслабляюсь, потому что мои цели рядом: за ближними кустами возле повозки, запряжённой самыми обычными лошадьми, возятся четверо – трое солдат и покрикивающий на них то ли офицер, то ли прапорщик, если таковые существуют в местной армии. Доносятся глухие удары деревянного молотка по дереву. Потом крики прекращаются, раздаётся протяжный скрип, лошади фыркают, с наругой трогая с места гружёный воз. Слышны сочные шлепки больших копыт по дороге.

Над ухом кто-то засопел, и я привычно вскидываю руку, сжатую в кулак, потом спохватываюсь – откуда парням знать, что означает этот жест? Впрочем, реагируют они верно, замирая на месте. Ждём пару минут – повозка скрывается за поворотом, и я напрягаю слух. Кажется, можно. Растопыряваю большой палец и мизинец, и, подчиняясь жесту, двое из наших укладываются в кювете, смотря в разные стороны. До поворота, заросшего кустами, метров сто, так что нормально. Снова вскидываю руку – ещё двое наших торопливо перебегают дорогу, стараясь не шлёпать по лужам, в свою

очередь укладываются в канаве с противоположной стороны, так же направляя оружие в разные стороны. Снова ждём. Тихо. Вскидываю левую руку вверх и сгибаю её в локте два раза. Все, кто не занят, в том числе и я с дочерью, пригибаясь, бесшумно преодолеваем препону и скрываемся в кустах. Там на удивление сухо. А то уже задолбала эта слякоть. Последними, дождавшись, когда люди с той стороны, контролирующие кювет, переберутся к нам, от дороги отходят страхующие. Перестраиваемся в боевой порядок: впереди снова Крыс и Эсминец, позади – я и Ирина, в середине все остальные.

Странно, но густой лес почти на линии фронта пуст. В том смысле, что ни людей, ни животных. Не видно ни окопов, ни заграждений, не замечаем ни блиндажей, ни землянок. Вообще ничего. Стволы деревьев неизвестной породы почти все одной толщины – от полуметра до семидесяти-восьмидесяти сантиметров в диаметре... Впрочем, разглядывать некогда, да и много ли увидишь в темноте? Мы торопливо, волчьим бегом углубляемся как можно дальше.

Внезапно бегущий впереди Крыс вскидывает руку и замирает в напряжённой позе. Мы дружно приседаем на одно колено, ошетиниваясь стволами в разные стороны. Засада? Патруль? Ягд-команда?! Мужчина шевелит пальцами в воздухе, на фоне громадного светящегося пятна на небе мне удаётся хорошо их разглядеть. Оглядывается, безошибочно находит взглядом мою дочь, манит. Короткий взгляд в мою

сторону, едва заметный кивок, и на удивление бесшумно, несмотря на отсутствие практики, Иришка тенью скользит среди кустов, останавливается возле Крыса. Тот что-то шепчет ей на ухо. Кивок. Она вскидывает винтовку, прикикает к прицелу, несколько минут крутит стволом в разные стороны, что-то шепчет. Наш камрад кивает, затем показывает для всех влево. Понятно. Все бесшумными тенями скользят по толстому слою мокрой прошлогодней листвы. Мягко перекатывая ступни с пятки на носок, чуть её подворачивая, чтобы вся тяжесть тела приходилась не только на большой палец, а на всю стопу. Так устаёшь меньше, и можно проделать более длинный путь до привала, чем обычным шагом. Да и следы вытягиваются в одну цепочку, сбивая с толку преследователей.

Ещё два по субъективному ощущению километра – и мы оказываемся на высоком берегу реки. На том берегу, чуть в стороне от тёмной полосы моста с блестящими рельсами, видно множество огней. Инженер и Владыка Войны уходят на фланги, я остаюсь в тылу, остальные срезают ножами по нескольку кустов и укладываются в ряд. За импровизированной баррикадой наблюдаем за огнями. Мне тоже любопытно, но дождусь смены. Моё дело – прикрывать тыл. Поэтому прикидываю запасную позицию, проверяю, всё ли на месте, ничего не потерял? Кидаю в рот пару кусочков самого обычного рафинада – сахар обостряет ночное зрение. Ну и жду, разумеется. Смены и рассвета.

Много огней – значит, либо лагерь, что маловероятно, либо город или большая деревня. Скорее всего, город. Уж больно на большое расстояние раскинулись огни... Никак не могу понять одной вещи: почему оказался пуст лес? Да и повозочки, как я заметил, относились к растущему вдоль дороги кустарнику с явной опаской. Может, тут водятся опасные для людей хищники? Точнее, не могут не водиться. Лошадей, или их точное подобие, я очень хорошо рассмотрел. Да и аборигены неотличимы от людей. Во всяком случае, я ничего экстраординарного, вроде лишних, или, наоборот, недостающих пальцев на руках не увидел. Черты лица – практически наши, европейского типа. Рост, правда, ниже. Примерно на голову меньше меня. Но, насколько я знаю, и на Земле в начале прошлого века средний рост населения был значительно ниже. Термин «акселерация» придуман не зря. Да что далеко ходить, сын в свои двадцать куда выше меня. И стал таким уже в восемнадцать. А ведь и я без трёх сантиметров сто девяносто... Меня хлопают по плечу – смена. Меняющего я услышал ещё метров за тридцать от себя. Сопит как паровоз. И даже узнал по этому дыханию – Тролль. Так он себя именует у нас.

– Что?

– Иди отдохни, поешь, посмотришь на город. Серый сказал, до темноты на месте будем.

– Понял. – Короткий кивок на прощание, и я исчезаю в быстро рассеивающейся темноте.

Хм, грамотно! Кусты переплетены ветками над старым, полуобвалившимся окопом, скрывая его сверху. Этакое импровизированное убежище, поскольку срезанные кусты очень густые. В разведённых ветках – просветы, в которые устави́лись объективы цифровых камер с длинными объективами. Это Серый придумал! Глаза, конечно, важны. Но тут, во-первых, расстояние. А во-вторых – у каждого своё восприятие увиденного. Да и убедить скептиков, а таковые, естественно, найдутся, проще будет...

У-у-у-у! – доносится далёкий заунывный гудок.

Паровоз? Вряд ли. Слишком сильно для обычного свистка. Скорее фабричный или заводской. А над водой звук разносится далеко...

– Что думаешь делать дальше? – толкаю я Серёгу в бок.

Он убирает от глаз бинокль, и я откровенно улыбаюсь. Серый обиженно спрашивает:

– Ты чего?

Окуляры, которые он прижимал к глазам, оставили круглые красные отпечатки, и смотрится он, что твой вампир из голливудских сериалов. Жалею, что мой нож чёрнёный. Но только миг. Зато в темноте не выдаст.

– Видок у тебя сейчас...

Он тоже улыбается. Потом спохватывается:

– А ты что предлагаешь?

– Ты уже успел образцов надёргать, как я понял?

В ответ следует утвердительный кивок. Он, зачем-то огля-

нувшись и убедившись, что все спят на дне окопа на специальных ковриках, почти неслышно шепчет:

– Я тут уже полгода шастаю. Правда, одному тяжело, но вот результаты сам видел. Даже речь их чуть-чуть понижаю.

– Значит, нужен язык...

Внезапно позади нас вздрагивает земля, и спустя пару мгновений доносится грохот, и я вижу, как по небу плывёт чёрное облачко. Обстрел?! Спустя несколько секунд убеждаюсь в правоте мысли – разрывы мощных снарядов следуют один за другим. Но наши люди то ли умаялись, то ли просто подсознательно ощущают себя в безопасности, так что спокойно спят. Серый на этот раз говорит, а не шепчет, правда вполголоса:

– Теперь до обеда будут гвоздить. Потом сорок минут на приём пищи. Ну и дальше часов до семнадцати.

– А наш проход? – напрягаюсь я, но тот успокаивает меня:

– Проверено, не волнуйся. Не первый день и не первый раз.

– Надеюсь...

Тут явно что-то нечисто. Или свертехнологично. Короче, не моего ума дело.

Серый лезет в свой мешок и извлекает советский бинокль Б12Х30. Надёжный, несмотря на устаревший, с точки зрения Голливуда, дизайн, и непревзойдённое и ныне качество изготовления. Стёкла приближают расстилающийся за рекой

город, и я словно оказываюсь на его улицах, погружаясь в хаос улочек и строений, в кипящую, несмотря на грохочущую совсем рядом, по нашим меркам, войну... Эмоции зашкаливают. Меня интересует всё: поведение, одежда, внешний вид и повадки аборигенов, их техника... На улицах очень много военных, если судить по однообразной одежде военного образца. Пассажирами набиты вроде омнибусов, вспоминаю, это называется конкой. Вот же, иностранное слово сразу всплыло в уме, а родной предшественник трамвая – с некоторым трудом. Влияние нового «образования»... Беззвучно ругаюсь про себя, но тут меня толкают в бок. Отырываюсь от линз – дочка.

– Что, Ир?

– Дай глянуть.

От волнения она облизывает губы. Нехотя отдаю ей прибор, и дочь прилипает к окулярам. Судя по её реакции, иногда тихим восклицаниям, она полностью там, на улицах города. Серый, увидев, что я наконец освободился от созерцания, делает знак, и мы уползаем немного в сторону, где устраиваемся на обычном туристическом коврике.

– Считаешь, нужно взять языка?

– Да. Без знания местных реальностей и обстановки наши планы не стоят и доллара по его истинной цене.

Удивлённый взгляд на меня – сравнение нетипичное.

– И... – тянет он.

Я успокаиваю:

– Легко. Только дотащим ли? Проход узенький.

– Сам побежит.

– Тогда не вижу сложностей. Гляди, они шастают, не боюсь, – показываю привычно большим пальцем в сторону города. – Там – дорога, – новый жест в ту сторону, где мы переходили её. – Полчаса, ну час – и наверняка будет какой-нибудь припоздавший из города. Иначе я не знаю господ офицеров.

Серый широко улыбается.

– Ну и... – делает характерное движение при захвате за горло.

– И откуда же у тебя, папочка, такие знания и умения? – Надо мной нависает лицо дочери. Она пышет гневом. – Значит, на стройки ездил? Народного хозяйства?!

– Матери не вздумай брякнуть. А то сама знаешь, чем дело кончится.

– И ты молчал?!

Серый пытается её успокоить:

– Тише, Ирина! Услышат же!

– Да?!

Характер у неё мамин, так что проще потушить огонь бензином, чем успокоить мою дочку раньше, чем она выговорится. Народ начинает шевелиться, смотрит в нашу сторону с любопытством. Но бушующему урагану под именем Ирина на всё плевать. Наконец я не выдерживаю тоже:

– Дома поговорим! А тут не хватало, чтобы всех спалила!

Это действует холодным душем, и она затихает, но злые взгляды в мою сторону говорят сами за себя. Серёга вопросительно глядит в мою сторону, но я на мгновение прикрываю веки, и он успокаивается. Я продолжаю разговор:

– Тут вещь такая: как я понимаю, обратного хода у нас уже не будет.

– Именно. Поэтому надо сразу решать, куда податься. К этим... – он машет в сторону города, – или к тем, – жест в противоположную сторону.

А я напрягаю память и вспоминаю атлас. А если...

– Или вообще ни к кому.

– То есть?! – Он и Иришка восклицают это слово одновременно.

– Не лучше ли организовать своё? В смысле – государство. Насколько я помню, даже у нас была куча относительно свободных земель. В той же Африке, на Востоке, даже янки и те осваивали свободные земли аж до двадцатых годов прошлого века, не говорю уж об Амазонии...

Серый чешет затылок:

– Но это же... Потянем ли? – Он лихорадочно просчитывает варианты.

– Надо Инженера озадачить, – кидаю небрежно фразу.

И рот Сергея приоткрывается. Инженер у нас голова, как говорил один мультипликационный персонаж. Высшее образование, затем самостоятельная разработка электроники, его даже в Китай приглашали из-за этого. Словом, если уж

говорить откровенно, из нас всех он самый-самый. И просчитать наивыгоднейший для нас вариант внедрения-переселения ему – что сложить два и два в уме. Вижу, Серый загорелся идеей, и безжалостно обрываю мечты:

– Но – дома. И после допроса языка. А его ещё взять нужно.

Хотя по поводу последнего я спокоен как удав. Народец здесь, как я вижу, непуганый. А после двух лет войны – год на отдыхе, для меня это... Дочь толкает в бок, шепчет:

– Хватит. У тебя глаза такие, что у меня мурашки по спине бегают.

Отвечаю ей тоже шёпотом:

– Как тебе новое место?

Она корчит рожицу, и я невольно улыбаюсь.

– Примитивные они.

– Так это и хорошо. Значит, нам не соперники. Тут можно таких дел наворотить – ого-го!

– Думаешь, мать на это пойдёт?

– А ты считаешь – нет? По крайней мере, тут хоть сможем жить нормально, а не в ожидании неизвестно чего и от одной подачки до другой. Да и мне уже не так много осталось денег в командировках зарабатывать. И Вовку надо к настоящему делу пристраивать. Хватит с него. А то так и жизни не увидит. А тут... – обвожу коротким жестом вокруг себя.

Дочка улыбается. Она помалкивает, но мне как-то раз по пьяному делу поведала о тех нравах, что творятся у них в

полиции... В общем, тоже не сахар и тоже не очень. Словно пауки в банке...

Остаток дня пролетает в мгновение ока: наблюдение за аборигенами, сон, дежурство. К пяти вечера, как Серый и говорил, артподготовка за нашими спинами затихла, так что будем возвращаться назад без риска попасть под «чемодан» или схлопотать осколок...

– Интересная у них здесь война, – говорит Эсминец.

Инженер зло отвечает:

– Джентльменская. Всё по правилам, по уложениям, благородно. Только от этого крови меньше не становится.

– Всё, – смотрит Серёга на часы. – Тридцать минут глубокого отдыха, потом выдвигаемся назад. Миха, на тебе с Врединой то, о чём говорили.

Киваю, машинально трогаю рукоятку 78-го на поясе. Нет, резать пленника я не собираюсь. Ни в коем случае. Тут своя фишка, отработанная на доброй полусотне прежних языков в куда более жестоких местах. Дочка косится, но молчит, протирая перчаткой начинающий запотевать воронёный ствол СВД.

– Тогда мы пошли.

Серый кивает. А чего народ задерживать? Пока они доберутся, мы своё дело сделаем.

...На ловца, как говорится, и зверь бежит. Едва мы с дочерью приблизились к дороге, переведя дух, поскольку рванули бегом, как услышали негромкие возгласы на непонят-

ном языке. Понятно почему – мир другой и, соответственно, всё иное. Вряд ли здесь будет что-то общее, несмотря на совпадение названий стран.

Осторожно раздвинув кусты, я сразу заметил сторбленную фигуру, оттирающую обувь большим листом, чего-то вроде лопуха. Она-то и чертыхалась, судя по интонациям. Чуть другого оттенка плащ-шинель, большая кобура на поясе с местным образцом пистолета или револьвера, длинный клинок на боку в ножнах светлой кожи – всё говорило о том, что это явно не рядовой. Рука легла на рукоятку ножа, расстегнула клапан, удерживающий его в ручных ножнах. Я примерился – подходяще. Дочка с некоторым страхом следила за моими действиями, напрягшись, словно струна. Я сделал привычный жест, мол, смотри по сторонам. Теперь только дожждаться, пока абориген выпрямиться... Есть. Резкое движение, и... С тупым стуком рукоятка 78-го врезалась ему в затылок. Тушка беззвучно кувыркнулась в глину. Готово. Взгляд на Ирину – в ответ короткий кивок. И я, неожиданно для себя, громадным прыжком оказываюсь рядом с ним. Мать! Забыл, что тут явно сила притяжения меньше земной! Адреналин бушует в крови, но руки действуют чётко. Выдёргиваю из кармана брюк обычный пластиковый хомут, рывком затягиваю на запястьях. Закидываю пленника на плечо и скрываюсь уже на другой стороне дороги. Следом тенью бесшумно скользит дочь, держа винтовку настороже и озираясь по сторонам.

Углубляемся в лес метров на двадцать, и я сваливаю тело на землю. Извлекаю всё «холодное и горячее», тщательно обшариваю карманы: большой неуклюжий кошелёк натуральной кожи, пара писем или чего там в нагрудном кармане, россыпь патронов в другом, складной нож, вроде садового, довольно грубой работы с деревянными щёчками. Всё? Похоже. Теперь подождать. Грудь пленника мерно вздымается, и жилка на виске пульсирует в такт слабому дыханию. Ирина задумчиво смотрит на аборигена.

– Он симпатичный.

И верно – черты лица правильные, относящиеся к давно утерянному у нас фенотипу, который ещё можно иногда увидеть в глухих местах страны и на старинных фотографиях и дагеротипах. Равнодушно пожимаю плечами.

– Па... Давно ты этим занимаешься?

– Как сказать... В армии научили. Знаешь же, где я служил...

– Да ты почти не рассказывал. Только пару фотографий и видела.

Ухмыляюсь в ответ:

– Так их и так всего две. Меньше знаешь, лучше спишь. И маме только не говори, что видела.

– Как?!

– В смысле – обо мне. О переселении ещё ничего не решили. Идею вбросили, ребята тоже наверняка свои мысли имеют. Так что обсудим дома и решим, что и как.

Дочка чертит пальцем по земле, потом поднимает голову, поправляя выбившийся из-под тактической шапочки локон, а я невольно люблюсь ей – она у меня красавица... В маму.

– Не знаю я, пап. И дома ловить уже нечего, и сюда как-то стрёмно.

– Понимаю. Но сначала послушаем господинчика. Атам уже решим.

Она согласно кивает.

Тем временем из кустов подтягиваются наши. Они удивлённо рассматривают мирно «спящего» рядом с нами языка.

– Что? Как заказали – так и получите.

– Ну ты... – Владыка Войны завистливо цокает языком.

Я машу рукой:

– Они здесь непуганые. Ничего сложного. Будь кто из наших, пришлось бы попотеть...

Срезаем шест, стягиваем пленнику руки и ноги пластиковыми стяжками, заклеиваем на всякий пожарный скотчем рот, и Тролль и Эсминец подхватывают его, словно охотничью добычу. Мы спешим к точке перехода. Хвала богам, пленник вскоре приходит в себя и по тоннелю шагает на своих двоих.

На этот раз путь под землёй даётся мне легче. Дочка вообще цветёт и пахнет, перехватывая уважительные взгляды взрослых мужчин. Королева! Я улыбаюсь краешком губ. Серый открывает крышку люка, и мы выбираемся в его палатку. С облегчением усаживаюсь на стул и вытягиваю ноги.

Оружие оставлено в подземной камере, только нож на поясе. Дочка плюхается рядом. Серый облегчённо машет рукой:

– Уф! Наконец-то...

– Что с пленником будем делать?

– Как что?! – Серый даже подскакивает на табуретке. – Сейчас чайку попьем и будем допрашивать!

– А кто его язык знает?

Серёга хмурится:

– Ну, не скажу что хорошо. Но понять сумею...

Он со вздохом поднимается, шлёпает к кулеру, стоящему в углу. Я делаю себе крепкий кофе с лимоном, Иришка пристраивается рядом, жадно осушая кружку с чаем. Разные у нас вкусы. Я – кофейник. Она – чайник. Серый что-то неразборчиво говорит в стоящую на столе портативную «моторолу», и вскоре полог палатки распаивается. Нам приносят пышущую жаром еду. Раздался общий довольный возглас, и через пару минут со всех сторон слышалось размеренное чавканье, аппетитом никто не обижен. Но у меня после возвращения такое ощущение, что со мной что-то происходит, явно чувствую некие процессы в организме...

После еды, по-быстрому возле входа перекурив, приступаем к допросу слегка помятого пленника. Нас интересует всё. От цвета трусов среднестатистического жителя до того, носит ли он таковой предмет одежды вообще. И конечно, самое главное на настоящий момент – политическая обстановка в мире...

Супруга встретила нас с дочерью насмешками:

– Сутки пробегали, и никакой добычи! Эх вы, горе-охотники!

Ирина вспыхнула, но я успокаивающе положил ей руку на плечо:

– Мы же не виноваты, что всю дичь распугали до нас.

– И стоило сутки лазить? Вернулись бы сразу, как увидели, что пусто!

Развожу руками:

– Ну, извини. Народ решил поискать хоть что-нибудь. Не будем же мы одни возвращаться? Да ещё через ночной лес.

Она хмыкает, потом задумчиво говорит:

– Тоже верно. Леса тут дремучие. Пойдёшь – не вернёшься. – Умолкает, потом вдруг вскакивает со своего стула: – Может, вы есть хотите? Я сейчас...

Машем руками оба, получается даже синхронно:

– Ой, не надо! Мы у командира поели! – добавляет Ирина.

Супруга с удивлением смотрит на дочь, задумчиво покачивает головой, потом ставит чайник на небольшую плиту.

– Хоть чаю попейте.

На это мы согласны. Я выношу стул на улицу, ставлю возле палатки, медленно отпивая кофе, ничего другого потому что не пью, задумчиво смотрю на расстилающуюся передо мной гладь озера в обрамлении бронзовых стволов сосен. Иришка пристраивается рядом. Из палатки выходит сын, смотрит на нас с завистью. Потом спрашивает:

– Далеко ходили?

– Километров двадцать, наверное, – отвечает ему сестра.

Я молчу, осмысливая узнанное от пленника. Да, самое лучшее для нас – действительно построить своё государство, ни от кого не зависящее. Только надо побольше народа. А где его взять? И сколько средств нужно для закупки самого необходимого? Даже для поездки сюда у меня ушло несколько тысяч евро: продукты, вещи, одежда, оружие, боеприпасы. А тут намечается настоящий Исход. Значит – техника, инструменты, опять же оружие. Боезапас на несколько лет, продовольствие на первое время, скот, мануфактура, да в принципе, нужно всё: от ниток и иголок до станков и специалистов с учёными. И люди должны быть людьми, а не существами и не потребителями... Да, даже голова пухнет от размышлений!

Достаю из кармана мобильник, набираю номер, забитый в памяти. Не телефонной. В голове.

– Бруммер. Два ноль. Четыре ноль.

– Институт. Четыре два четыре.

Если бы цифры были нечётные, как и их сумма, то это знак, что работают под прослушкой. А так – можно хотя бы намекнуть.

– Есть серьёзная тема.

– Много надо?

– Много. Всего. Железо.

– Принял. Лови.

– До встречи.

Теперь нужен планшет или ноутбук. Поворачиваюсь к сидящему рядом сыну:

– Тащи свой агрегат.

Он сначала не понимает, о чём речь, и я делаю жест, будто двигаю файл по экрану. Доходит. Скрывается в палатке и через минуту выскакивает обратно. Протягивает мне «Эйсер». Вхожу в почту. Есть письмо с вложением. Сбрасываю файл, на этот раз забитый на карту памяти моего смартфона. Архив открывается, и я пробегаю его глазами. Однако... Цены значительно выросли. Зато и товара – на любой вкус и цвет, как говорится. Начиная с тактических фонарей и до гранатомётов и БМП. Обмундирование. Рации, обувь и запасные аккумуляторы, патроны, стрелковое и личное оружие, есть даже вертолёт. «Крокодил» после капиталки. Но... Увы, через тоннель ничего не пройдёт. Только двигатели, коробки передач, трансмиссии. Кабины, кузова, даже рамы придётся делать на месте. Да и по остальному ограничение: как я уже говорил, сто двадцать на двести сорок сантиметров. Хоть длина не ограничена. И можно попробовать поставить лебёдку на конечных станциях.

И тащить не на собственном горбу, а на тележке. Впрочем, до этого ещё далеко.

Скидываю расшифрованный файл на флешку, стираю письмо, очищаю «корзину», правлю логи. Моя часть работы сделана. Теперь – что решит совет. Ну а я твёрдо намерен

отстаивать отдельное, ни от кого не зависящее государство, даже место присмотрел – есть на одном материке громадный пролив с не очень широким перешейком от основной части материка. Вроде как слитые воедино Африка и Австралия, только значительно меньше размером. По словам языка, там практически никто не был и живут лишь нескольких малочисленных диких племён. Диких – в прямом смысле слова с точки зрения цивилизованного европейца. И ни одно из основных государств туда вроде руки не протянуло. Но это надо ещё уточнять. Проблема – как туда добраться. Да ещё толпой. Путь пока лишь один – морем. Значит, потребуется корабль. И не один. А ещё – безопасное место, где можно накопить переселенцев, подальше от глаз местных властей. И свободный выход к морю, к удобным бухтам. А что будет нас ждать на новом месте... Вот же зараза!!! Нет чтобы проход сделать побольше!!!

Глава 4

Следующие сутки мы сидим безвылазно в палатке Серого и спорим до хрипоты, до боли в голосовых связках, правда, каждый довод аргументирован. Но толку от этого чуть. Видя, что каждый стоит на своём, меняю тактику. Раз вы, ребята, так, то я пойду другим путём! Нет, руки я не выкручиваю, вроде раз у меня выход на оружие, то будете делать так, как я сказал! Наоборот, всё чинно и спокойно. Просто начинаю выдвигать контрдоводы. Вы хотите захватить власть в какой-нибудь развитой стране? Ха, наивные! Что может сделать кучка людей, пусть даже очень хорошо вооружённых, против целого государства? Да нас массой задавят. Да ещё им на помощь явится куча желающих заполучить трофеи из будущего. Откуда узнают? Начнётся революция – сразу всё пронюхают, поверьте! А ещё – желающие умирать в боях есть? То-то же! Предлагаете ползучее проникновение? На сколько поколений оно растянется? Посчитали? И где гарантия, что наши внуки – да-да, именно внуки – станут выполнять волю древних маразматиков, сошедших с ума и считающих, что они пришли сюда из другого мира? И будут ли наши внуки людьми в полном смысле этого слова? К тому же уживутся ли они в дружбе и согласии? Да, тогда можно будет переводить человек сто, а то и меньше. Но опять же малое количество колонистов, тем более вынужденных скры-

вать своё происхождение, очень быстро деградирует до уровня аборигенов. Либо, что ещё хуже, будут быстро вычислены, взяты под стражу и выпотрошены на предмет знаний. К тому же ограниченное количество людей и возьмёт с собой очень ограниченное количество и вес артефактов с Земли, которые быстро выйдут из строя без запчастей и возможности их изготовить.

Примерно так я громил все идеи, кроме, разумеется, своей собственной. В её пользу говорило многое: и удачное, на мой взгляд, место, где можно расположиться. С трёх сторон океан, с четвёртой – пустыня, горные цепи, узкий перешеек, который легко укрепить. Огромная площадь – гарантия того, что найдутся полезные ископаемые. И кроме того, вертится у меня в голове одна мысль... Но подтвердить её можно будет только на месте. Поэтому я скрываю свою гипотезу от всех.

Далее: мы будем достаточно далеко от всех сколь-нибудь больших держав этого мира. Значит, можем проводить совершенно независимую от них политику, опираясь на штыки своей армии и свои станки с технологиями. К тому же большое количество поселенцев – залог того, что наша колония-страна не застынет на месте и не деградирует. А будет развиваться и увеличиваться. Пусть и медленнее, чем Земля. Хотя... Учитывая, что с развалом страны ничего действительно важного или глобального люди так и не открыли, не факт, что лет через сто – сто пятьдесят наши потомки не вырвутся вперёд.

Постепенно замечаю, что на мою сторону становится всё больше и больше членов совета. Наконец, ближе к вечеру, решение окончательно утверждается: мы будем строить своё государство. Ура! Люди расходятся по своим палаткам, а я отзываю Серого в сторону:

– Есть место на винте?

Он достаёт смартфон.

– Лови, – перекидываю ему ценник с ассортиментом и цифрами. – Надо поинтересоваться ценами на золото.

Серый кивает. Пробегает наскоро ассортимент, становится задумчивым. Даже слишком. Потом мрачнеет:

– Есть вариант перебросить всё без разборки. Но... Только один раз. Потом проход просто схлопнется. Навсегда. И вернуться на Землю можно будет только через космос.

– Значит, так тому и быть. Это даже лучше! А то я, честно говоря, побаивался, что за нами будет погоня.

Серёга машет рукой:

– Не будет. Но придётся собирать всё сразу и всех. А значит, рано или поздно о нас узнают те, кому не надо знать.

Пожимаю плечами:

– Риск – дело благородное. А взятки ещё никто не отменял...

Лицо камрада озаряется улыбкой. Действительно, мы же в какой стране живём? Победившего капитализма! А что главное в этом социальном строе? Правильно, формула «товар – деньги – товар». Чем дольше правит демократия в нашем

государстве, тем меньше честных людей и тем дешевле чиновники и чины правопорядка. Дать им в зубы несколько тысяч америкосовских фантиков – и всё, вся округа ослепнет, оглохнет и онемееет. Проверено не раз. А значит... Ну а местных жителей заинтересуем работой. Для людей необходимо жильё. Пусть даже и временное. Мы же не один день собираться будем. Так что – палатки, санитария, столовая, склад ГСМ, техники, боеприпасов... Лихорадочно прикидываю, кого ещё взять из своих знакомых, и список угрожающе растёт ежесекундно. Но это лишь во благо. Плохо то, что основная часть этого списка – такие же «командированные», как и я. Но с другой стороны, с каждым из них я прошёл не одно поле боя и могу им доверять целиком и полностью. Да и на той стороне их таланты могут спасти нам жизнь и наше будущее...

А потом начинается адский труд. Просто нечеловеческий. Супруга ворчит непрерывно, потому что если она не знает, чем заняться, то я с утра и до утра на ногах и в разъездах. В конце концов мои нервы не выдерживают, и я тупо даю ей задание – найти в Сети всё, что относится к её профессии. Она у меня электронщик. Создатель микросхем ещё советского выпуска. Сын тоже живёт в Интернете. Хорошо, что там можно найти всё, что угодно. Для маскировки запускаем сплетню, что мы организуем некий посёлок сурвайверов. Так называют теперь выживальщиков, тех, кто мечтает выжить в глобальном катаклизме или при ядерной войне. Ушлые лич-

ности из структур клюют на эту удочку, как ни странно, что лишний раз подтверждает деградацию общества. Да и карманы у них оказались не очень глубокие, так что откупаемся, хотя пару своих агентов они к нам внедрили. Но мы держим их на дистанции и изгонять или ликвидировать не собираемся. В конце концов, у этих ребятишек не будет другого выхода, как работать с нами, – обратной дороги на Землю уже нет.

Кое-как уговариваю жену и дочь уволиться с работы. Если с дочерью всё проходит нормально, то с женой пришлось намучиться. Впрочем, через моих ребят удалось наладить канал сбыта золота, притащенного оттуда, так что с деньгами наша организация не бедствует. Сбыт металла через криминальные структуры редок, хотя и объёмен, и мы можем выплачивать достаточные зарплаты всем участникам проекта. Но нехорошее шевеление вокруг не прекращается. Непрерывно прибывают грузы, плотные кордоны вокруг лагеря пока отпугивают излишне любопытных. Иногда появляются просто любопытные или «коллеги» по объявленному нами хобби. Плетём открытую ахинею, что у нас есть пророк, который объявил, что скоро погаснет солнце. Роль пророка доверили Эсминцу. Вид у него импозантный – длинный балахон, пропечатанный шрифтом с нашего будущего места жительства, специально отпущенная борода, зеркальные очки. Над нами в открытую смеются, принимают за сектантов и фанатиков. Тем лучше – чем меньше нас воспринимают все-

рьёз, тем спокойнее.

Деньги раздаём направо и налево, и грузы к нам идут всё полнеющей струёй. Делаем ряд заказов на специальное оборудование, даже скупаем пару заводов, которые аврально демонтируют с прежних мест и отправляют к нам. Не знаю, какими путями народ узнаёт о нас, но и поток желающих спастись увеличивается с каждым днём. Некоторые верят «пророку». Некоторые просто любопытствуют. Много людей, которым некуда податься от безысходности. Безработица в стране растёт с каждым днём, а у нас некий островок благоденствия. Удивляет и напрягает одно – я точно знаю, что там, наверху, знают о продаже нами золота. Пусть его не так много, всего-то три тонны, больше пока решили не продавать, но не может быть, чтобы нами не заинтересовались. Хотя всё объясняется просто: ситуация на границах страны с каждым днём всё напряжённей, к тому же надвигается срок окончания поставок топлива в Европу. Есть ещё китайский проект, но на него нужны деньги, которых в обнищавшей, высосанной досуха стране просто нет. По всем данным разведки и спутникового анализа, на месте, где мы расположились, не может быть никаких месторождений золота. Но тем не менее оно исправно поставляется. Отсутствует рудник. Нет никаких признаков промыслов. Но деньги поступают. Следовательно, лучше не мешать. Пусть они, в смысле мы, поставляют металл. Против власти чокнутые не злоумышляют, это точно, так что... Короче, нас не трогают, пока мы

поставляем жёлтый металл. И сразу прихлопнут, как только он закончится. Инженер с Серым просчитывают варианты и время от времени сбрасывают нам очередной список закупок. Ну а мы, остальные члены совета, рыщем по просторам страны, вербуем людей, работаем с поставщиками. Об истинной цели быстро растущего посёлка не знает никто, кроме нас, и пока тайна сохраняется.

Нашего языка пришлось вернуть обратно. Удерживать его в плену слишком хлопотно и опасно, к тому же чревато раскрытием тайны прохода. Больно он выделялся среди всех. А брать лишний грех на душу... Пусть мы и циники, но не до такой же степени.

Но тучи над нами сгущаются, и однажды ночью раздаётся звонок, и я вылетаю из палатки и стремглав несусь к Серому. Тот, хвала богам, не спит, колдуя над мощным сервером.

– Тревога!

– Что?!

Я, одновременно пытаюсь отдышаться и говорить, начинаю кашлять. стакан воды воспринимаю как манну небесную. Делаю жадный глоток, жидкость пробивает пробку в горле, и я выдыхаю:

– У нас час. В Петрозаводске разгружается Особая полицейская бригада непосредственного президентского подчинения. По наши души. Поднята в воздух авиация – десантура и штурмовики. Короче, нас хотят зачистить.

Он сразу врубается в тему:

– У нас уже всё готово. Просто ждали ещё кое-какие грузы, но на худой конец обойдёмся без них, раз такое дело. Давай приводи себя в порядок, а я объявляю тревогу.

Он нажимает большую красную кнопку на столе рядом с компом, и воздух разрезает могучий пронзительный звук сирены. Все в лагере знают, что это означает – тренировки проводились не раз. Поэтому нет никакой паники, люди знают, что делать. Возвращаюсь, в свою палатку. Супруга злая, дочь смотрит на меня:

– Опять?

– Нет. Теперь по-настоящему.

Жена открывает было рот, но я рывкаю:

– Собирайся! Живо! Если жить хочешь!

Ирина молча лезет под свою кровать, вытаскивает ящик с имуществом. Начинает одеваться. Я следую её примеру под изумлёнными глазами сына и жены. Тёплое бельё. Новенький камуфляж, верный калаш, броник, боеприпасы, 78-й пристёгивается на разгрузку.

По моему виду до супруги доходит, что шутки кончились, и она молча бросается укладывать вещи, которыми незаметно обросли. Тридцать минут. Всё упаковано, начинается погрузка. Рычат многочисленные двигатели тракторов, инженерных машин, боевой техники. Кроме БМП и БТР у нас есть даже четыре танка. Пусть старенькие Т-72, но в рабочем состоянии. Все грузятся в автобусы, грузовики, легковушки, формируя колонну. Перекрывая шум и гул моторов, вклю-

чаются мощнейшие динамики:

– Товарищи, это не учебная тревога. На нас готовится нападение. Поэтому мы покидаем лагерь и уходим в безопасную зону. Не волнуйтесь, маршрут проверен и чист.

Быстро запрыгиваю в кабину мощного «Урала» ещё советских времён, со складов длительного хранения, киваю водителю, молодому парнишке откуда то с Севера:

– Вперёд.

Шофёр послушно включает передачу, и, отфыркиваясь, гружённый до отказа грузовик медленно ползёт к вспыхнувшему алыми огнями огромному квадрату, метров в десять высоты и ширины. Рядом пристраиваются ещё две машины. Перед нами – два танка. Следом тащат на прицепе Ми-28, а после него – два громадных «Катерпиллера» с трудом тянут 26-й. Он тяжело переваливается на своих шасси, но нам немного и надо – всего-то протащить метров сто через проход. На уши давит, и появляется звон. Впрочем, он обрывается на высокой ноте сразу же, как только мы оказываемся за пределами рамки. И – знакомое ощущение того, что мы уже на месте. Сразу отгоняем машину в сторону, а я с автоматом устремляюсь обратно. Замираю возле перехода, из которого один за другим по две, по три появляются набитые до отказа людьми и грузами машины, тягачи, тракторы... Пока темно, никто ничего не понимает, и потому люди спокойны. Они ещё не знают, что уже на другой планете. Представляю, какая будет их реакция, когда всё выяснится. Но, думаю, вряд ли

кто будет против. Семьи переселенцев у нас в полном составе, включая всех родственников и близких. Так что... Время от времени бросаю взгляд на часы – не успеваем... До меня доносятся глухие звуки взрывов. Авиация? Или уже подошли войска? Да нет, вряд ли. Скорее всего, сработали наши закладки, разносящие в клочья мосты и образующие завалы из лесных великанов на трассе. Это даст нам хоть немного дополнительного времени для эвакуации. Как бы я хотел сейчас быть там! Но нельзя – любой предмет или человек, прошедший обратно, вызовет обрыв тоннеля перехода. Так что остаётся только крепче сжимать автомат и кусать губы...

Вкатывается очередной грузовик. С него спрыгивает гибкая фигура дочери.

– Пап?

– Рядом. Всё успели?

Она кивает, пристраивается с полюбившейся ей СВД возле меня. С лязгом гусениц и рёвом дизелей вкатываются ещё два танка, волокущие на прицепе мощную, в 1650 кВт дизель-генераторную установку, вспахивающую землю чужой планеты, словно плуг. Пошли сплошной чередой, сразу по три, бок о бок, грузовики и автобусы, едва миновав ворота, растекающиеся по степи, где мы вышли. Серый и Инженер умудрились решить самую главную проблему, ожидающую нас в новом мире, – они открыли проход к выбранному нами для создания своего собственного государства материку.

Между тем я уже начинаю ощущать нехорошие подраги-

вания почвы. Надеюсь, никто не обратит на это внимания? Свет обрамляющих ворота прожекторов-индикаторов становится всё сильнее... И как только хвост потока людей и грузов вытянулся из прохода, его рамка резко погасла. Всё? Да. Громовой, последний удар в воздухе заставляет вздрогнуть, но тут возле меня появляются Серый и Инженер. Оба усталые, но довольные:

– Мы сделали это! Миха! Сделали!!!

От избытка чувств вскидываю калаш к небу, выпускаю короткую, на два патрона очередь в небо. Тишина вспарывается треском, от которого с отвычки звенит в ушах. Впрочем, очень коротко. Поднимаю глаза: здравствуй, чужое небо. Мы пришли...

Сразу отправили дозоры, организовали выгрузку пассажиров для отдыха, одновременно ставя палатки. Машины пока не разгружали, потому что утром, после отдыха, планировали двинуться дальше. А пока в небо поднялся беспилотный робот, управляемый по радио. Раскрутив свои шесть винтов, дисковидный аппарат практически бесшумно взмыл в небо, быстро набрав высоту и передавая картинку в инфракрасных лучах, которую умная программа переводила в привычные нам краски. Первая подробная карта Южного материка начала составляться. Спустя тридцать минут ещё три точно таких же зонда отправились в другие стороны на разведку. Первым делом нужно было найти место для постоянного поселения. А дальше – будет видно. Станем действо-

вать по обстоятельствам.

Испуганные люди молча копошились при свете фар и фонарей, торопливо устанавливая временные обиталища. Самые догадливые поняли, что мы где-то очень далеко от прежних мест, но как мы здесь оказались, никому не могло даже в голову прийти. А также – где сейчас находимся. Тёплый густой ночной ветерок, терпкий, напоенный ароматами трав воздух, и странная лёгкость в теле. Хорошо, что небо плотно затянуто облаками, но вроде бы дождь не намечается... Спустя минут тридцать лагерь стал затихать, только мы не могли оторваться от большого монитора, на который проецировалась картинка.

– Нужна вода. Запасы есть, но немного, – раздался негромкий голос кого-то из членов совета.

Говорим вполголоса, обмениваясь короткими репликами:
– Это Южное полушарие. Сейчас тут весна, можно будет сразу сеять.

Семян и саженцев всех сортов и видов с нами полно, едва ли не несколько тонн и сотен разных видов: яблони, груши, вишни, черешни и абрикосы, пшеница элитных сортов, рожь, ячмень... Перечислять всё очень долго и ни к чему. Есть и экзотика – ананасы, киви, фейхоа и апельсины... В общем, агрономическое наследие человечества. В отдельном грузовике-скотовозе живность: громадные, породистые коровы с быком-производителем, овцы, козы, свиньи, лошади. Скакуны и тягловые тяжеловозы, пара владимирских и че-

тыре советских монстра по метру семьдесят в холке. Чего их стоило найти и по какой цене, лучше промолчать. Отдельно везут кошек и собак. Начиная от обычных дворняг до овчарок всех мастей и моих любимцев колли. Есть даже ньюфаундленд. Здоровенный флегматичный пёс с грустными глазами. Собаки чуют, что места здесь совершенно не похожи на родные, поэтому волнуются, ошетинившись и насторожив уши, кто к этому способен. Впрочем, при виде людей постепенно успокаиваются. Кошки... Это отдельная песня. Сибиряки, Васьки подзаборные, подобранные на улицах; здоровенные рыжие крысоловы и даже один манул, на удивление всех мирно уживающийся с камышовым котом, привезённым ребятами с Дона. И весь этот зверинец молчит, что очень-очень странно. Волнуются, переступают с ноги на ногу, свиньи раскачивают свой грузовик из стороны в сторону, но всё происходит молча. Степь вокруг нас тоже не издаёт ни звука. Лишь иногда над головой что-то шуршит, пролетая в мгновение ока над нами. Да тихое жужжание местных насекомых. Нас, кстати, местная живность игнорирует. Невкусные мы, видимо...

– Тут, кажется, лес...

Громадное тёмное пятно уходит за пределы видимости камеры ночного вида. Поднимаем аппарат повыше, но тут пищит ограничитель – достигнуто максимальное расстояние полёта. Пора возвращать. Нехотя Инженер двигает джойстиком, меняя направление полёта. Остальные ещё увлечённо

управляют своими машинами. Ну а мы с Серым жадно рассматриваем получившуюся карту. Похоже, нас выбросило в степи. Или прерии. На ощупь почва сухая, покрыта жёсткой травой с густо переплетёнными корнями. Кое-где попадаются небольшие островки кустарника неизвестной породы. Поверхность ровная, с редкими пологими холмами.

– Река! – Возглас второго оператора беспилотного робота заставляет нас сгрудиться возле его ноутбука.

Действительно, река. И насколько можно разглядеть, широкая. Берега пологи, но из чего они состоят, сейчас не разобрать. Можно сказать, что мы зря расходовали аккумуляторы. Но, по крайней мере, мы хоть как-то определились с нашим местонахождением, и утром сможем ориентироваться по местности, а не тащиться неизвестно куда вслепую.

Дожидаемся возвращения всех машин с воздуха, компьютер быстро собирает карту. Увы, она представляет собой всего лишь четыре полосы по разным сторонам света. Но нам и этого пока достаточно. Намечаем путь к лесу. Если растут деревья, то есть и вода.

– Может, запустим машины по диагонали?

Серый возмущённо вскидывает голову от разведанной карты:

– Смысл? Завтра тронемся, можно будет помощнее технику использовать. Да и бинокли... Мотоциклистов вперёд пустим. В любом случае не вслепую идём, уже благо.

Соглашаюсь с ним. Правильно говорит. Чего сидеть ночь,

если почти ничего не видно? Инфракрасная камера – вещь, конечно, замечательная. Но завтра будет очень тяжёлый день. Когда люди узнают, куда они попали... И самое главное – что им предстоит... Упс! А это что такое?! Только сейчас замечаю, что та груда камней, которую я принял за россыпь, какая-то правильная... Увеличиваю картинку на экране, и верно, кажется, это развалины, и довольно крупные. То ли крепость, то ли форт...

– Народ, – негромко окликаю я, пока все спорят по поводу правильности избранного маршрута. Никто не слышит. – Народ! – добавляю металла в голосе.

Серый оборачивается.

– Что? – недовольным голосом спрашивает он.

– Похоже, здесь кто-то есть... – тычу я пальцем в экран.

– Что?!

Все взгляды встречаются в экране. Тишина. Потом негромкое распоряжение:

– Инженер, запусти-ка свой агрегат туда.

Тот послушно кивает, снова гул винтов, рассекающих воздух, и диск стремительно исчезает во тьме. Слышу, как перекликаются дозорные. И вдруг на мониторе мелькает светлое пятно.

– Стой! – не выдерживаю я.

Инженер послушно заставляет аппарат остановиться, едва удержав его от сваливания.

– Назад! Медленней! Медленней. Ещё тише... Стоп!

Трансфокатор послушно дорисовывает картинку подробностями. Абориген. Но какой-то странный. За спиной – лук. В руке, кажется, копье. Голый торс. Больше ничего не разобрать. Слишком темно.

Прикидываю расстояние... Мать богов! Да он совсем рядом! Ну, может, в километре от нас! Самое большее... До остальных тоже доходит.

– Что будем делать?

Я молчу. Хотя, будь моя воля, просто бы пристукнул. Но с другой стороны, это может вызвать настоящую войну с местными жителями. К тому же тот пока просто наблюдает за ярко освещённым лагерем, выросшим посреди степи.

– Если рискнёт подойти, не убивать. По крайней мере, пока.

– Отпускать тоже глупо, – откликнулся Эсминец.

Все взгляды скрешиваются на мне, но я отрицательно качаю головой:

– Нет. Он может быть не один. Пусть сначала рассветёт, а там увидим. Инженер, веди разведчика к найденным развалинам. Надо осмотреть их окрестности. Может, там и останемся.

– С чего это вдруг?

– Там жили люди. А если жили они, то почему мы не можем? Место должно быть подходящим...

– Утро вечера мудренее. Костя, на тебе осмотр развалин. Остальные – спать. Нам ещё утро пережить надо.

Серый прав. Самое страшное, что я видел за свою жизнь, — слепая, разъярённая толпа... Впрочем, есть ещё одна куда более жуткая для меня вещь, это моя половина в гневе.

Глава 5

Как выяснилось, переживал я зря. Когда мы объявили после подъёма, что сейчас наш лагерь ночевал на другой планете, то, против ожидания, последовал только один вопрос:

– Получается, мы сами себе хозяева?!

И то его выкрикнула какая-то из женщин в возрасте. Инженер кивнул и подтвердил в микрофон:

– Да. Здесь нет ни власти, ни полиции, ни спецслужб. Люди начали переглядываться, а я глубоко задумался. Можно сказать, так сильно, что буквально услышал, как закрипели мои мозги. Почему народ воспринял сообщение совета так спокойно? Этого просто не может быть! Найдутся вечно недовольные, те, у кого, по недогляду, нашему кстати, остался кто-то близкий или любимый на той стороне. Или желающий высказаться по любому поводу, но совершенно не представляющий предмет разговора... К тому же женщины... Как вдруг так? Отказаться от привычного всего, от комфорта? От телевизора, наконец! Да как же так?! Но над собравшимися людьми стояла тишина. Никто ничего не спрашивал, не задавал никаких вопросов, совершенно ничего. Даже мой огнедышащий вулкан, кстати стоящий в первых рядах и посматривающий на меня очень нехорошим взглядом, молчал. Ирина же откровенно улыбалась, ехидно посматривая на ошарашенного брата. К счастью, тот тоже молчал, пере-

варивая услышанное... Пять минут. Десять.

– Ну что, начальники, долго стоять-то будем? Давайте, распоряжайтесь! А то так и будем здесь до посинения стоять... – Ехидный женский голосок из толпы заставил нас прийти в себя.

Серый взглянул на Эсминца, тот – на Инженера, Владыка Войны – на меня. Ну а я, что я? Крайний, что ли? Похоже, что да.

– Что нам известно об этом мире, камрады?

Народ обрадованно зашевелился, предвкушая новости.

– Прежде всего – он земного типа, как вы видите. То есть можем спокойно дышать, есть местные продукты, не все, естественно. Белену, к примеру, не рекомендую.

Немудрёная шутка тоже разрядила напряжение.

– Место, где мы находимся, Южный материк. Всего их три. Два населены точно такими же людьми, как и мы, только слабее физически. Сила притяжения, как все успели почувствовать, меньше привычной нам, поэтому в глазах местных жителей мы будем сверхсилачами. Этот материк почти не исследован. Можно сказать, мы – первооткрыватели и пионеры этих земель. Так что поработать придётся. И немало. Но для этого у нас имеется всё необходимое: техника, инструменты, топливо и продовольствие на первое время, оружие, боеприпасы, семенной и генетический материал.

– Скотина, что ли?

– Она самая. Есть, конечно, и местные породы. Живности

здесь навалом. Но пока она не главное. Но голодать не будем. Посеем, соберём, построим. Люди мы к работе привычные. А когда на себя...

– А местные, они тут как? С луком и стрелами? Или у них тоже айфоны имеются?

Серёга наконец немного пришёл в себя, и я смог передать ему микрофон.

– Нет. Здесь – как у нас: кто-то с каменным топором до сих пор бегают, а кто-то одним нажатием клавиши целые материки с лица планеты стирает. Но насчёт последнего можете не волноваться, – торопливо добавил, сообразив, что ляпнул не то. – Уровень развития примерно такой же, как у нас перед Первой мировой войной. Даже чуть меньше. Во всяком случае – первые полёты произошли буквально два года назад, а автомобили появились десять лет назад. Так что сами понимаете...

Облегчённые вздохи были ответом.

– Так куда поедет-то, начальники? – снова спросили из толпы.

Мы переглянулись, и ответил Инженер:

– Пока никуда. Сначала – завтрак. А после него двинемся. Вроде есть тут неподалёку приличное местечко для города. Так что для начала первое распоряжение: всем мужчинам старше восемнадцати лет получить оружие и боеприпасы. Второе: всем вскрыть сухой паёк. Обед будет горячим, так что не волнуйтесь. Третье: на еду – срок минут. После

этого собрать палатки, приготовиться к маршу. Разойдись!

Люди послушно двинулись к своим машинам и палаткам, а я приготовился к разборке с женой. К моему величайшему удивлению, она так же, как и все, развернулась ко мне спиной и направилась к нашему «Уралу» вместе с сыном. Дочь привычно пристроилась к нашей компании, которая никак не могла переварить то, что произошло буквально пять минут назад... Серый уставился на Инженера:

– Ты чего-нибудь понимаешь?

– Не-а... – протянул тот, глядя на меня.

Я молча пожал плечами, но тут подал голос Эсминец:

– Кажется, до меня дошло...

Наши взгляды скрестились на нём.

– Что?! – хором задали мы вопрос.

Тот махнул рукой:

– Неужели непонятно? Им настолько надоела наша безысходность, что переход народ воспринял как дар богов! Тем более что попали мы сюда не голые и босые, а приличным количеством, да ещё очень даже во всеоружии. Ну а когда слышали, что мы самые крутые в этой яичнице, вообще на седьмом небе от счастья оказались.

– А телевизор? – с удивлением услышал я свой голос.

– Что – телевизор? – спросил меня Владыка Войны. Потом сообразил: – Ты его последний раз когда смотрел?

Я на мгновение задумался, потом просиял:

– В девяносто третьем!

– Сейчас там такой идиотизм, что даже женщины плюются!

Рассмеялась дочь, внимательно слушающая наши разговоры.

– Так, народ. Хорош тряндеть! – окончательно пришёл в себя Серёга.

– Костя, что у тебя с теми развалинами?

Инженер пошарил в куртке, вытащил подробную распечатку, и мы склонились над ней, торопливо перекусывая бутербродами, наспех сделанными дочерью.

Место, находящееся в двадцати километрах от нашего временного лагеря, показалось по снимкам с разведчика на первый взгляд удачным: ровное пространство, на котором кругом располагались древние строения. Целая череда прудов или озёр, расположенная кругом. Остатки, судя по всему, шахт или подземных камер – пока было неясно. Неподалёку – массив большого леса. Словом, выглядело всё очень завлекательно. И недалеко. Но эти два десятка километров нам пришлось преодолевать почти весь день. И причиной столь медленного передвижения оказались наши вертолёты. Тащить двадцатитонные монстры по земле на ненадёжных шасси оказалось сущей мукой. Крохотные колёсики зарывались в грунт, тракторы жгли драгоценную солянку, словно голодный еду после месячной диеты. Но к вечеру, с последними отблесками зари мы всё-таки втянули машины в лагерь. Естественно, люди и большая часть техники и все гру-

зы были на выбранном нами месте куда раньше нас и уже приступили к обживанию будущего города.

Первым делом обшарили всю округу, особенно строения, точнее, их остатки. Выяснилась, кстати, довольно неприятная вещь: люди ушли отсюда не по своей воле, их изгнали, или завоевали, потому что остатки каменных стен носили следы огня и камнебитных орудий. Впрочем, останков мы не обнаружили, что порадовало. Но то, что на город-крепость было совершено нападение, насторожило. По всему выходило, что здесь есть довольно сильные, по местным, разумеется, меркам, либо государства, либо племена. И получается, что мы не зря притащили с собой столько оружия и техники. Похоже, они нам очень пригодятся.

Ближе к полуночи все неотложные вопросы нам удалось решить и как-то скоординировать ближайшие действия.

К тому же явно сказывалась нервная встряска и ожидание чего-то непонятного. Хорошо, хоть нашими военными не нужно заниматься – мы забрали с собой практически готовую армию со своими командирами, специалистами, личным составом. Пусть и немногочисленную, но хорошо сплочённую, обученную и, самое главное, с колоссальным, по нашим меркам, боевым опытом в неутихающей уже четыре года войне. Так что здесь мы были спокойны. Гражданские же, глядя на уверенных в себе военных, тоже берут с них пример. Ну и обстановка на оставленной нами Земле... Вспомнилось, как я агитировал к нам на работу своих бывших кол-

лег. Вначале они просто не поверили объявленному окладу – наши начальники получали столько же. Да ещё жильё, кормёжка, плюс семьи, которые должны будут жить с ними. Некоторые даже засомневались, но потом всё же рискнули. Надеюсь, они не пожалели о своём согласии...

Последний штрих – формирование рабочих команд и распределение техники. Быстро раскидываем людей по специальностям. В первую очередь – строителей, потом агрономов-земледельцев, геологи и остальные пока подождут, пока разведывательные партии и беспилотная авиация не прочешет округу и не убедится в отсутствии аборигенов. Или в их наличии. Но тогда придётся пустить в дело другую тактику. Ну а сейчас – спать, спать, спать...

Как ни странно, возле выхода из командирского кунга меня встречает жена. Причём довольно спокойная на вид. Привычно ворчит:

– Ты чего так долго? Ирина давно уже отдыхает, а ты...

– Ну, так я же не просто переселенец, а оттуда... – показываю пальцем вверх.

Она едва заметно улыбается, толкает меня в спину:

– Пошли уж. Голодный, наверное.

Машу рукой:

– Не очень. Перехватили по мелочам.

– Тогда пошли, тебе выспаться нужно. Завтра опять встанешь ни свет ни заря?

Вздыхаю:

– Пожалуй, выходных долго не будет. Пока обустроимся, пока всё наладится...

Она идёт чуть впереди, замедляет свои шаги, дожидается, пока я поравняюсь с ней, берёт меня за локоть, чуть слышно спрашивает:

– Ты уверен?

Прекрасно понимаю, что она хочет знать. Но откуда я возьму верный ответ?

– Знаешь, хуже, чем на Земле, не будет. Это точно. По крайней мере, сама видела – врачи лечат, а не калечат. Взятки не требуют. Кормят нормально. Крыша над головой скоро будет. Завтра с утра начинаем строительство. А послезавтра решим с сельским хозяйством. Или опять же завтра, но после обеда.

– Это почему?

– Сначала надо местность разведать. Мы ночью погоняли роботов, но что в темноте увидишь? Поэтому и оружие всем раздали. Пока не обживёмся.

– Местные... Они злые?

Машу успокоительно рукой:

– С чего? Тут всё настолько примитивно, ты не представляешь. Они даже этот материк не исследовали. А в местной Европе воюют.

Жена на мгновение замирает:

– Так что, тут вообще никто ничего не знает?! Вы с ума сошли?

– Послушай, дорогая, мы не идиоты, чтобы лезть неизвестно куда и тащить за собой толпу народа! Сергей, наш старший, сюда три года лазил и, как видишь, жив-здоров. Я с Ириной тут уже раз двадцать был. Не на этом месте, а вообще в этом мире. Тоже ни насморка, ни кашля. Сама видишь.

Неожиданно она улыбается:

– Вижу-вижу. Ты, кстати, даже помолодел, между прочим. Но я думала, из-за того, что всё лето на воздухе, без нервов. Да и кормили нас... Ладно. Пришли.

Она останавливается перед стандартной палаткой, той самой, в которой мы жили ещё там. Неяркий свет из окошек и тишина.

– А Вовка спит?

– Как же?! Это Ира без задних ног дрыхнет! А этот... Сам увидишь!

Я вхожу в палатку, скидываю с ног берцы, сую ступни в тапочки. Супруга толкает в бок:

– Вон там вода подогретая, помой сначала. А то всё потом провоняет.

Она права. Тем более ноги сейчас надо беречь. Топлива не так много, и оно почти всё уйдёт на строительство и на посевы. И пока мы не найдём источники нефти и не запустим свои мини-заводы по перегонке – жёсткая экономия... Вытираю ступни заботливо поданным мне полотенцем, затем вхожу в жилое отделение. Первое, что вижу, – сгорбившего сына, увлечённо чистящего... ПК? «Печенег»? Нет...

Мать!!! Это же... Расширившимися глазами я смотрю на мертворождённого монстра Ковровского завода, АЕК-999. Откуда он у нас?! И выпускался недолго, и в армию не попал, только в МВД. Впрочем, ладно. Машинка рабочая, и боеприпас стандартный. Только вот бегать с такой машинкой тяжело. И надеюсь, не придётся...

– Сам выбрал?

Вовка гордо кивает, не прерывая своего занятия:

– А как же! Хороший агрегат!

– Ага. Вот когда побегаешь с ним, тогда и скажешь, что хорошая. – Снова поворачиваюсь к жене: – Ты что-то об ужине говорила?

Она улыбается:

– Всё-таки захотел?

Машу рукой:

– Армия...

Этим всё сказано. Сажусь за стол, ставлю свой калаш рядом, аккуратно прислонив к стоящему у стены ящику. Теперь уже можно открыто, не боясь скандала и охов и ахов. Дочкина СВД тоже аккуратно приставлена к её кровати. На спинке висит подсумок с запасными обоймами и прочее имущество. М-да... Жена перехватывает мой взгляд, хочет что-то произнести, но молча ставит на стол тарелку с вареной картошкой и кусками колбасы. Еда ещё тёплая, и я с неожиданно проснувшимся аппетитом набрасываюсь на неё. Супруга пристраивается возле меня, смотря, как я ем. Взды-

хает:

– Чего молчал-то?

Кое-как прожевав очередную ложку, отвечаю:

– И что? Ты бы смогла не проболтаться?

– Дочери-то сказал!

– Так должен же мне кто-то спину прикрывать, на кого я положиться могу.

– Она же девушка!

– И что? Видела бы ты, как она с винтовкой управляется, не говорила бы такое.

– А Вовку чего не взял?! Он-то парень!

– Стрелять не умеет. Физическая подготовка слабенькая.

Выносливости никакой. Какой от него толк?

– Он твой сын!

– Сын. Я никогда от этого не отказывался. Но, прости уж, своей добротой ты его испортила. Теперь, надеюсь, до него быстро дойдёт. Кстати... – Поворачиваюсь к увлечённому чисткой от консервационной смазки своего пулемёта сыну: – Вов!

Тишина. Увлёкся.

– Вован!!! – рывкаю я во всю глотку, но тут жена шипит:

– Соседей разбудишь!

Спохватываюсь: действительно, ведь не дома. Стенки-то – брезентуха... Хвала богам, сын вскинул голову, смотрит на меня удивлённо:

– Чего, пап?

Достаю из кармана сложенный листок бумаги, кидаю ему:
– Направление. На работу.

Он разворачивает его, кривится:

– А почему я?!

– А потому. Здесь, извини, всё делать надо. Как в армии. Так что не вздумай отлынивать. Разговор будет жёсткий. Не нравится? Отлыниваешь? Пошёл вон! За пределы поселения. К местным. Уживайся с ними как хочешь, но ты больше не с нами.

– Что?! – Жена приподнимается на стуле, упирая руки в столешницу.

Я спокойно чуть подаюсь назад:

– Вот так. Наказание одно – изгнание. Кстати, без оружия. Только то, что на тебе. Надето. И обуто.

– За то, что человек работать не хочет?

– Прости, дорогая, но сейчас мы не можем себе позволить содержать лодырей и дармоедов. Каждому будет занятие.

– И мне?!

– И тебе. Не волнуйся. Завтра найдёшь Инженера, ты его знаешь...

Она кивает.

– Он давно хотел с тобой пообщаться. Ты же у нас электронщик? Вот и вспомнишь старую профессию. Думаю, это куда лучше и полезнее для тебя, чем за компом сутками накладные набивать.

– Но я почти всё забыла... – испуганно шепчет жена.

Утешаю:

– Ничего. Он человек понимающий, поможет вспомнить.

Зря, что ли, из Сети качала всё?

Она облегчённо вздыхает – просто растерялась. Потом её снова одолевает извечное женское любопытство:

– А ты?

– На промысел. В разведку. И дочка со мной.

– Что?!

– Не дёргайся. Сначала беспилотники всё осмотрят, а потом уже мы пойдём. Так что риска нет.

Она смотрит на меня тяжёлым взглядом, потом забирает пустую тарелку:

– Спать ложись. Глаза красные, как у рака.

Тут я с ней согласен. Тем более что времени до подъёма – всего четыре часа...

Удивительно, но этих четырёх часов мне хватило за глаза! Выспался так, как раньше за десять! И встал легко и без всякой тяжести в голове, как обычно от недосыпа. Быстро привёл себя в порядок, растолкал сына. Супруга уже хлопотала насчёт быстрого перекуса. Кстати, надо будет узнать насчёт наших поваров. Вроде бы уже должны начать готовить. Зря, что ли, с собой столько продуктов приволокли?

Прихлёбывая на ходу кофе, торопливо прокручиваю в мыслях сегодняшние планы. Ничего не упустил? Кажется, нет...

– Да сядь ты наконец, чего мельтешишь? – не выдерживаю.

ют нервы у жены.

Моя половина точно на пределе. Плюхаюсь на стул, откусываю кусок копчёной колбасы. Светлана вздыхает:

– Всё. Последняя.

Беззаботно машу рукой:

– Сегодня должны начать кормить. Вчера было распоряжение. А к вечеру окончательно всё прояснится. У нас копильни есть, так что ещё поедим колбаски. Из натурального мяса. Обещаю.

Она молча улыбается.

...Лес интересный. Хвойные деревья – нечто среднее между сосной и елью. Между ними встречаются молодые деревца вроде нашего можжевельника. Травы практически нет, лишь изредка торчат из почвы пучки. А так – всё засыпано толстым слоем иголок. До нижних ветвей высоченных деревьев не дотянуться, потому что высота стволов метров по пятьдесят, если не больше. А толщина... Метров шесть, а то и семь. Минимум. Но это на глаз. Чешуйчатая прочная кора, которую с трудом берёт мой верный 78-й. Её удаётся лишь поцарапать. Подобранная на земле высохшая до звона ветка лезвию вообще не поддаётся. Интересно, как она поведёт себя в воде? И – запах. Довольно приятный, но сильный. Чуть горьковатый, напоминающий то ли одуванчик, то ли мать-и-мачеху. Не могу определить. Да и слабоват я в растениях...

Вскидываю руку в предупреждающем жесте. Все замирают. Мне показалось, или что-то там мелькнуло? Несмотря на

здоровенные стволы, просветы между деревьями довольно велики. Видимо, они как-то удерживают своё пространство. Поэтому лес светлый, и по нему можно двигаться, не опасаясь засады, что мы и делаем уже три часа. На границу чащи нас доставили грузовиком, десять человек. И теперь наш дозор, время от времени сверяясь с распечаткой авиаразведки, если наших роботов можно ею считать, продвигается вперёд. Только толка от импровизированной карты мало – сплошная завеса очень тёмных крон. И нигде нет ни просвета, ни поляны. Один из бойцов наскоро наносит кроки, так что не заблудимся. Да и магнитный полюс здесь есть, потому что наши компасы работают. Не так, как на Земле, но какую-то привязку дают. И ориентироваться по ним можно. Пока сойдёт и так, а там будет видно.

Странно, но не слышно ни птиц, ни зверей. Двое ребят следят за кронами, но у них тоже пусто. Либо тут что-то не даёт живности размножаться, либо они настолько зашуганы аборигенами, что сразу прикидываются кустиками. Мол, нет нас. Вам всё кажется... Лучше бы второй вариант, конечно...

И вот впервые за всё время что-то шевельнулось впереди нас. Я припадаю к густому слою хвои, осторожно выглядываю из-за кустика. Мать честная! Абориген! Как бы не тот, что мы видели вчера. Подношу к глазу монокуляр, мои ребята ждут. Делаю знак «двое ко мне». Первые бесшумно появляются возле меня, и я показываю им на местного жителя.

Потом так же знаком отдаю команду «язык». Оба кивают и исчезают за стволом. Между тем абориген, пугливо озираясь по сторонам, что-то роет.

Внезапно он хлопает себя по голой спине, а потом беззвучно заваливается назад. Дротик с паралитиком чуть подрагивает в его шее. Но тут происходит непредвиденное. Откуда-то со стороны доносится гортанный крик, и потом на поляну выскакивают ещё двое – девчонка и парнишка. Оба совсем юные. Бросаются к лежащему на спине... наверное, родителю... Обнимают, визжат, плачут, пытаются растормошить... Увы, детишки. Действие паралитика закончится лишь через несколько минут. Народ у нас опытный, дозы умеют рассчитывать. Хлоп! Сетка окутывает всю кучу. Не зря я настоял на полицейском ружье. Хорошая вещь! Визг усиливается до ультразвука и резко обрывается, когда мы наконец выходим на свет. Представляю нас глазами аборигенов: первое – чудная пятнистая одежда. Второе – великанский рост, каждый из нас выше родителя или воспитателя минимум на голову. Да и черты лица у нас... Аборигены чем-то похожи на наших азиатов. Такие же раскосые глаза, чуть желтоватая кожа, чёрные волосы и плосковатые лица. Широкие носы, узкие губы. Ну, точно – азиаты. Больше всего смахивают на вьетнамцев. Такие же маленькие и худые. А эти ещё и истощены. Нет. Вряд ли наши холостяки позарятся на их женщин. Придётся в местную Европу их посылать...

Детишки жмутся под сеткой, испуганно озираясь на нас и

вцепившись в папочку руками. Даже побелели от страха.

Освобождаем их из сети, невзирая на отчаянное сопротивление, почти не ощущающееся при нашей земной силе. Девчонка пытается кого-то укусить, получает звонкую пощёчину и издаёт дикий визг, тут же, впрочем, обрывающийся после нажатия на подчелюстные узлы. Как только её губы смыкаются, следует отточенное движение – и скотч заклеивает ей рот. Малявка чего-то мычит. С парнишкой проделываем то же самое. Схватываем хомутами запястья. Остаётся их родитель. Тоже вяжем руки, заклеиваем рот.

– Что дальше?

– Похоже, рядом либо их лагерь, либо деревня.

– «Рядом» – понятие относительное.

Киваю. Кто знает, на какие расстояния здесь уходят охотники. Хотя... С детьми? Вряд ли далеко. Но это может быть и изгнанник. Эх, не знаю я их языка. И допросить нет возможности. Присаживаюсь над лежащим на хвое аборигеном, внимательно осматриваю его одежду. Чёрная свободная рубаша с короткой застёжкой, украшенная красным орнаментом. Прямые штаны, тоже свободные, до щиколотки. На ступнях – плетённые из соломы или сухой травы сандалии. Пояса нет. Штаны просто подвязываются на верёвочках. Волосы чёрные и сальные или смазаны маслом, собраны в узел на макушке, подвязанный тонкой ленточкой с двумя полосками. Пуговиц нет нигде. Его нож лежит рядом с сумкой в виде обыкновенного прямоугольника. Лезвие – лавро-

вый лист. Заточено с двух сторон. Довольно тонкое и... ручной работы. Кое-где видны следы молота. Рукоятка – рог. Металл... по виду – калёное железо. Мой нож оставляет глубокую царапину на клинке аборигена.

Перехожу к сумке, вытряхивая из неё содержимое. Хм... Несколько непонятных корешков. Надо отдать медикам на анализы. В чистую тряпицу завёрнуты какие-то коричневые шарики. Еда? Может быть. Уж больно жадно на них смотрят детишки. Отщипываю кусочек, крошечный. Осторожно пробую... Рис! Самый настоящий натуральный рис! Только почему-то красный... Красный? Твою ж... Таким у нас в Азии арестантов кормят! Так-так... Аккуратно убираю всё в сумку.

Теперь детишки. Мальчишка лет десяти, может, одиннадцати. А скорее всего – четырнадцати или пятнадцати. Потому что худой, словно его в концлагере десять лет держали. Его сестра или подруга точно такой же заморыш. На обоих всё точно такое же, как на папочке. Только на девочке вместо штанов юбка с запахом такой же ткани, как и одежда мужчины и мальчика. Да волосы на макушке украшает... – хвала великому канцелярскому богу! – огромная булавка! Честное слово! Правда, изготовлен сей предмет из начищенного серебра, поскольку вряд ли местные жители знают никель или хром. И... Я замечаю тонкую ниточку на шее девчушки. Протягиваю руку и извлекаю на свет небольшой круглый медальончик. Или амулет. Кто его знает. Всего знаний об этом

– из передач о путешественниках.

– Берём с собой?

– Да. Может, удастся как-то объясниться. Они ведь знают, какой здесь климат, что идёт в еду. Ну, в общем, нашим головастикам есть над чем пораскинуть мозгами.

– Подождём наших ребят, а потом двигаем обратно.

Старший моих сопровождающих кивает и извлекает рацию:

– База, я Второй. Дошли до места, взяли языка. Начинаем возвращение через тридцать минут... Прошу прощения, выходим сейчас.

Потому что из-за стволов вырывают двое посланных пройти по кругу, разводя руками в стороны. Ничего не нашли. Ну и ладно. Вернёмся сюда с собаками. Говорил же, надо было их сразу с собой взять! Нет! Мол, зачем? Мало ли что, где потом найдём? Да найдём! Тем более что шли не столько в разведку, сколько в поиск. А это разные вещи...

Напоследок из любопытства подхожу к яме, которую копал абориген, и... красноватые комья бурого железняка узнаю сразу. Под слоем почвы сантиметров в тридцать – сплошная охристо-жёлтая порода. Вгоняю в неё нож, отламываю большой кусок. Лимонит? Очень похоже. Надо попробовать его нагреть и кислотой облить. Засовываю образец в карман разгрузки, пусть наши геологи проверят. Выпрямляюсь. По моему лицу люди понимают, что произошло нечто хорошее. Абориген, напротив, начинает злиться.

– Пошли.

Ребята пинками заставляют уже очухавшего мужчинку подняться, цепляют детишек за него, и мы начинаем обратное движение. Впрочем, мои мысли уже далеко. Если мои предположения оправдаются... То мы сели на месторождение железа. А это, как бы сказать... Не слишком хорошо. Ладно. Посмотрим, что нам скажут пленники.

Глава 6

На первом месте мы пробыли неделю. Как я и подозревал, бывшая крепость стояла на огромном, в несколько десятков километров радиусом месторождении железной руды. Пленники оказались из небольшой деревушки к северу от нашей высадки. До неё пешком – двое суток пути. Мужчина, как выяснилось (правда, намучились с ним, но всё же кое-как объяснились, рисунками, жестами, картинками, потом отпустили восвояси: бояться нам местных нечего – народ примитивный, лук со стрелами, копье), был местным кузнецом. Потихоньку плавил болотную руду, а сюда явился за окатышами. Здешний лимонит довольно богат никелем и марганцем. Тоже редкость. Во всяком случае, на Земле. Впрочем, о родном мире, похоже, надо забывать.

Ещё новость: в ста километрах к югу от большой реки, которую мы обнаружили ещё в первую ночь нашего пребывания в новом мире, нашли огромное плато из самородного асфальта. А это значит, там есть нефть. Ну а если ещё и нефть под боком, точно надо отсюда перебираться. Поэтому решили отправить на поиски вертолёт. Дальности наших беспилотников не хватает для поиска нормального места. Пленники же рассказали всё, что знают. Железо знают, но до промышленных масштабов, как до луны пешком. Техника же вообще внушила им тихий ужас. При виде взлетаю-

щего вертолѐта все трое рухнули ниц, закрыв голову руками, и, как мы поняли, начали неистово молиться. Была мысль оставить их, чтобы узнать местный язык, но прошла. Государства у аборигенов нет, живут племенами по разным местам материка. А объясняются они в основном жестами, которых около сотни. Им хватает. Мы скопировали их на камеру, будем готовить переводчиков.

Вертолѐт наши надежды оправдал. Совершив пятисоткилометровый полѐт на север, вышел к побережью океана и после дозаправки прихваченным с собой топливом двинулся на восток, поскольку запад был сплошной водной поверхностью. Через примерно триста километров начались горы. Командир принял решение возвращаться, и это, как оказалось, было правильно, потому что, срезая угол, машина пошла напрямик и наткнулась просто на райское место – громадную долину между двумя реками, густо поросшую зеленью. Леса, кустарники, обилие дичи и огромные пастбища для скота. Близость гор давала надежду на наличие полезных ископаемых, да и до моря, испокон веков служившего лучшим торговым путѐм для человечества, не так далеко. К тому же по воде. Поэтому вполне возможно, что при достаточной глубине корабли смогут подниматься вверх по течению к самому городу. А здесь, на месте первого лагеря, можно будет организовать промышленный район. Тем более нефть недалеко. Точнее, асфальт. Но и его можно перегнать на топливо, если совсем прижмѐт. Словом, решили переезжать.

Кстати, лётчики сверху видели несколько поселений аборигенов. Но небольших. Самое крупное – человек на триста. По десять – пятнадцать хижин на сваях, из плетёного тростника под высокими крышами. А это значит, что климат здесь мягкий, суровых зим не бывает, и наш выбор оказался правильным.

Оставив в первом лагере пятьсот человек, строителей и военных, основная часть поселенцев двинулась к месту, которое должно было стать нашим новым домом. Двадцать шестой забили до отказа людьми, инструментами, топливом, запихнули внутрь пару вездеходов, и громадная машина стартовала к будущей столице. С ним убыл Эсминец, остальные остались с колонной. Владыка Войны должен был приглядывать за остающимися и строительством промышленного района. Особенно за асфальтовым месторождением. Потому что туда тягачи потащили оба наших нефтеперерабатывающих завода, так как топливо для нашей цивилизации – кровь, и добыче нефти придавался приоритет даже больший, чем земледелию. Ради этого пошли даже на ещё один полёт Ми-26, расходуя драгоценнейшее топливо: чтобы сэкономить время, перебросили будущих нефтяников воздухом...

– Долина! Долина!

Эта весть мгновенно облетела колонну с уставшими от изнурительного пути людьми, ведь поселенцы ели на ходу, ночевали на земле, не разбивая палаток, чтобы не терять вре-

мени. На всех – пропылённые, пропотевшие одежды, соль на спинах солдат, охраняющих колонну от возможных диких зверей, и, чего уж греха таить, от людей тоже. Местные жители валились ниц на землю при нашем появлении, провожая испуганными взглядами ревущие машины и тракторы. Мы их не трогали, они же, убедившись, что мы не причиняем им вред, тоже не предпринимали никаких попыток напасть или просто познакомиться. Отсутствие любопытства – вот что отличало их от нас. А ещё – они боялись. И не только техники, но и огромного количества народа. Насколько я мог судить, местное население медленно и уверенно вымирало. Или вырождалось, что, в принципе, одно и то же. Апатия на лицах, потухшие глаза, равнодушие... А ведь когда-то здесь была цивилизация. И может, не одна. По пути мы несколько раз натыкались на останки городов, развалины могучих сооружений, что некогда были покинуты, разрушены и превратились в осколки величия прошлого. Конечно, покопаться в них было бы жутко интересно, но это, естественно, лучше оставить на будущее. Когда появится время. Сейчас куда более насущные проблемы были перед нами. Продовольствие. Вода. Топливо. Боеприпасы. Пока это всё было. Но надолго ли? Одной охотой не проживёшь. Рыбную ловлю с берега не организуешь. Надо выходить в море. На чём? Так что стоило спешить. И мы торопились изо всех сил. Поломавшиеся автомобили цепляли к целым, чиня, если, конечно, возможно, их на ходу. Люди вымотались, почернели, мечтали

о том, чтобы вымыться, но не роптали, прекрасно понимая важность последнего пути. И вот, после недели пути, хвала богам, по ровной местности, когда не надо было строить мосты – лётчики разведали дорогу от и до, поэтому маршрут был известен. В этот раз мы шли не вслепую, а от источника к источнику, ночуя в местах, подходящих для остановки такого большого количества людей и машин.

Взобравшись на очередной пологий холм, наш «Урал» остановился. Перед нами расстилалась долина... Обтекая меня по сторонам, одна за другой выезжали на склон машины, автобусы, грузовики и тягачи, замирая на месте, и люди высыпали наружу, со слезами на глазах обозревая бескрайнее, раскинувшееся на сотни километров громадное между-речье.

Внезапно где-то вдалеке в небо взлетела алая ракета.

– Наши сигнал подают, – глухо обронил Инженер, оказавшийся рядом.

За время пути Костя почернел, глаза красные от постоянного недосыпа – каждую ночь он прогонял беспилотники по планируемому на день пути, прокладывая удобный путь.

Я кивнул:

– Угу.

Треснула и захрипела рация:

– Долго вы, ребята!

– Как успели, так приехали, – буркнул я в ответ.

– Ладно, Брум, не кипятись. Давай езжай. Мы уже зажда-

лись. Место тут... – Даже через эфир я уловил счастливые нотки в голосе.

Ну, если уж Эсминец доволен, то нам о лучшем и мечтать не стоит. Я нехотя влез в кабину – вести машину пришлось самому, наш водитель остался на нефтепромыслах, и ноги гудели, а запястья рук просто выкручивало после долгого пути. Жена взглянула на меня. Ей тоже досталось. Тем не менее моя половина держалась, правда, за эту неделю похудела. И довольно сильно. Но это ей только на пользу.

– Что? – Испугалась, что это ещё не конец.

– Осталось чуть-чуть. Только спуститься с холмов – и мы на месте. Уже по радиации разговариваем.

Светлана облегчённо прикрыла глаза:

– Скорее бы...

– Потерпи, родная.

Фыркнул двигатель, медленно проворачивая большие рубчатые колёса, и вот машина плавно пошла вперёд... Правду говорят, что последние километры пути самые длинные и самые трудные. Завтра точно буду лежать пластом. А сегодня меня ещё поддерживает адреналин, бушующий в жилах.

Указатель?! Действительно... Шуточки Эсминца? Да нет, не шуточки. Чёткое распределение по секторам: для продовольствия, для техники, для оружия, для инструмента, для электростанции. Он уже распланировал весь город, выделил места для каждой семьи, для каждого будущего района. Ги-

гантский труд. Просто колоссальный. Ну а мы довели колонну без потерь... И надеюсь, теперь долго не надо будет никуда двигаться. Во всяком случае, пока не построим город и не снимем первый урожай...

– Ну, как говорится, поехали!

Я втыкаю лопату на месте будущего дома. Рабочих рук мало, но зато есть техника. Эта же штыковая лопата – чисто символическая, вроде золотого костыля на строительстве железной дороги или кирпича, положенного лично Очень Высоким Лицом. А тут – будущий дом. Родовая усадьба. Рядом стоят дочь, жена, сын. Все ещё осунувшиеся после марш-броска, но зато все счастливы. Особенно моя половина. Но тут причины чисто личного характера. Светлана рада, что за неделю сбросила почти десять килограммов веса! Для неё это сродни чуду богов, и, что самое интересное, она утверждает, что процесс похудения не прекращается, а всё ещё идёт! Впрочем, её наряд подтверждает слова супруги.

Делаю шаг в сторону, машу рукой экскаваторщику. Тот трогает рычаги, и оборудованный ковшом и отвалом Хи gong, необычного для всех вида, приступает к делу. И вскоре, буквально через час траншея под фундамент выкопана. Она простая, без изысков. Обыкновенный прямоугольник двенадцать метров в длину, десять в ширину. На первое время достаточно для семьи из четырёх человек. Правда, дочь рано или поздно уйдёт к мужу. Но сын взамен приведёт невесту... Даже вздрагиваю от этой мысли.

Первая улица уже построена. Её заселили многодетные семьи и те, у кого маленькие дети. Остальные пока живут в палатках, но все понимают, что это ненадолго. По всей следующей будущей улице идёт бурное строительство: фырчат тракторы, стучат молотки и топоры, взвизгивают циркулярные пилы и электрорубанки. Пахнет свежим деревом, смолой, краской. Дома вырастают на глазах. За день возводят по семь-восемь особняков, а на одной улице их сто.

В дальнем лесу валят стволы могучих великанов, здесь они лиственные, с узкими длинными кронами и плотной древесиной, напоминающей нашу берёзу. Тракторами выволакивают на поляны, где раскинуты передвижные пилорамы, превращающие стволы в стройматериал. Из одного спиленного дерева получается восемь стандартных брусьев-«десяток». Сто на сто миллиметров и длиной почти в двадцать, а то и больше метров. Часть пилорам делает доски на полы и на стропила, некоторые пилят вагонку для внутренней обшивки. Гвоздей хватает, а вскоре намечается первая плавка в промышленном районе.

Нефтяники тоже выдали первые кубики солярки и бензина, так что дело теперь за тем, как их сюда перевезти. Цистерны у нас есть, но их мало. Поэтому придётся мудрить. Ну да смекалка нас никогда не подводила.

Иногда на границах будущего города появляются аборигены в своих чёрных одеждах. Как правило, пожилые. То ли старейшины, то ли вожди. Молча стоят, смотрят, что мы де-

лаем. Лица без эмоций, сонные, скучные. Ни во что не вмешиваются, никуда не лезут, просто смотрят, выдерживая безопасную дистанцию. Чтобы не мешать белым великанам. Попыток вступить в контакт не предпринимают. Мы поначалу косились на них, охрана постоянно настороже, но поскольку попыток чего-либо украсть или помешать нам не было, в свою очередь лишь наблюдаем за зрителями. Может, они пытаются понять, что от нас ждать? Ну, если не будут предпринимать ничего плохого, то и мы им вредить не собираемся.

Первые поля уже распаханы, завтра начинается сев. Земля чёрная, жирная, как лучшие почвы Украины и Черноземья. Так что если наши агрономы угадали всё верно, то урожай будет знатным. Удивительно, что аборигены не использовали это место для своих нужд. Ни следов поселений, ни вообще какой-либо деятельности человека. Впрочем, если я правильно понимаю, это место не подходит для выращивания их основной еды – риса. Поэтому они сюда и не лезут. Скотина пасётся на лугах, поросших густой сочной травой. Кстати, когда пахали, воочию увидел, что такое жирная земля. Прежде почему-то думал, что это идиома или речевой оборот. А когда зацепил блестящий шмат чёрной почвы, откинутой отвалом плуга, убедился в точности выражения. Наши сельскохозяйственные специалисты разве что хороводы вокруг поля не водят. Насекомых мало, вредителей, соответственно, тоже. Да и будут ли они жрать чуждую им рас-

тельность, неясно. На такой случай у нас имеется химия. Немного, но тем не менее.

Самое главное – все при деле. Я имею в виду поселенцев. И рабочих рук жутко не хватает. Хочется всего и сразу, такова уж натура человеческая. Но приходится ждать, потому что прыгнуть выше головы мы не можем. И так работаем от зари до зари. Серый настаивает на посылке геологических партий – пусть ищут ископаемые. Что-то для нас, что-то – для наших потомков. Я не против, но другие члены совета предлагают погодить. А чего годить-то? Наоборот, пока занимаемся строительством жилья, выкроить пол-сотни человек можно, и, когда расселение закончится, уже будут видны перспективы. Ведь привезённые нами запасы далеко не бесконечны, а нужно очень многое, если мы не хотим опуститься до уровня аборигенов, когда наше оружие израсходуется боеприпасы, техника сломается, а компьютеры и прочая электроника выработает свой ресурс.

В совете другая крайность: хотят первым делом построить порт. В той бухте, куда впадают наши реки. Но тут уж против я, потому что распылять наши немногие имеющиеся ресурсы на несколько строек глупо. Получится куча недостроенных, и будем потом латать дырки, перебрасывая людей туда и сюда и ломая голову над тем, куда пустить наши жалкие крохи стройматериалов. Нет уж! Сначала – город. Потом – промышленные районы, потому что, если мы хотим строить своё государство, нам нужна экономика. Прочная, сильная, раз-

витая. Затем – всё остальное. Спорим до хрипоты, аргументируем, приводим доводы за и против, но в конце концов всё решает народ, и после бурного обсуждения за основу принимается мой план за небольшим исключением – параллельно геологоразведке начинать на разведанных месторождениях и строительство заводов. Точнее – монтаж, потому что все наши предприятия мобильные и модульные, и их строительство означает простой монтаж готовых контейнеров в одно целое. И конечно, ищем место под электростанцию. Не дизель-генераторную, а настоящую, с плотиной. Генераторы у нас есть. Дело за тем, чтобы привести их в действие не двигателями, а силой воды или ветра. А будет энергия – снимется куча проблем, гораздо меньше станет расход дефицитного топлива, и наши заводы смогут нормально функционировать.

Делать нечего, придётся опять запускать нашу авиацию, как бы ни хотелось её сохранить на крайний случай. Но другого выхода нет. Почему-то мы упустили, что наши беспилотники имеют очень ограниченный радиус полёта, буквально двадцать – тридцать километров от оператора. А тут нужно обследовать весь материк. Ну, может, и не полностью, но всё-таки желательно большую часть, чтобы не пустить наши, пока ещё очень ограниченные ресурсы в трубу. Впрочем, в любом случае плотина будет временной, из дерева, пока не наладим производство цемента. Так что наши вертолёты поднимаются в небо, обследуя окрестности. Хорошо ещё,

что мы используем аэрофотосъёмку, чтобы экономить топливо и время, и хотя с горючим положение постепенно выравнивается, поскольку оба наших завода работают на полную мощность, но вот драгоценный ресурс двигателей... Как мы ни пытались, запасных моторов к технике приобрести так и не смогли. И хотя машины прошли капитальный ремонт на специализированном предприятии, где мы, собственно, их купили, тем не менее количество у них не резиновое. А ещё предстоит немало полётов.

Подвесив на двадцать шестой баки, мы посылаем вертолёт на север. Ударный двадцать восьмой уходит на юг. Ну а стройка продолжается. Наш город растёт ударными темпами. Поля уже дали первые всходы, и глаз радуется их ровным рядам. Местные сорняки тоже с радостью восприняли обработанную почву, и устремились на культивированную землю едва ли не бегом. Но... Тут в дело вмешалась наша покинутая матушка Земля. Дело в том, что среди захваченных нами грузов спрятались, так сказать, беспаспортные пассажиры: муравьи, жуки, ящерицы, даже змеи. Хвала богам, и безобидные ужи. Как-то так получилось, что ни одна гадюка с нами не пролезла. А ужики как-то умудрились. Но, короче говоря, лучше всех освоились на Новой Руси, как мы называли наши земли, обыкновенные рыжие муравьи. Если на Земле они распространяются с трудом, потому что развести их на новом месте очень тяжёлый и длительный процесс, то здесь... Их муравейники росли буквально на глазах! Время

от времени громадные, куда больше, чем на родине, курганы извергали так называемые отводки, устремляющиеся в разные стороны, и, найдя подходящее и свободное от своих собратьев место, а такое было повсюду, новая колония принималась за строительство. Буквально неделя, дней десять – и вырастал новый громадный муравейник. Честно говоря, мы даже испугались, когда обнаружили столь бурный рост популяции, но... вскоре сработал некий механизм, и количество насекомых начало стабилизироваться. Именно муравьи и решили проблему сорняков, уничтожая их подчистую и совершенно не трогая земные растения. Видимо, местная зелень пришлась мирмикам больше по вкусу. Заодно мураши жёстко контролировали всех прочих земных собратьев, пуская излишки на прокорм. Словом, вырастал новый мир, симбиоз человеческих и аборигенных животных, растений, пресмыкающихся.

Наша скотина тоже оценила аборигенную растительность. Во всяком случае, лопали земные травоядные местную зелень за обе челюсти, толстая на глазах. Коровы резко прибавили в надоях, впрочем, как и овцы, и козы. Бык-трёхлетка вдруг начал бурно набирать размеры в холке и боках. А тяжеловозы... Те сохранили свой огромный рост, зато добавили в силу и скорости. Владимирцы и так относятся к одним из самых быстрых лошадей, не уступая в скорости орловским рысакам и превосходя последних в выносливости. А тут... В общем, наши животноводы чесали затылок и раз-

водили руками, твердя лишь одно: «Не понимаем!» То ли им не хватало знаний, то ли требовались не умоглядные заключения, а серьёзное научное оборудование и анализаторы. Но факт оставался фактом – местный корм пошёл земным животным на благо. Впрочем, и нам, людям, тоже кое-что досталось от местных благ. В одном местечке, неподалёку от развалин древней то ли крепости, то ли чего-то похожего, разведчики наткнулись на гигантскую клубнику. По форме и вкусу самую обыкновенную земную клубнику. За одним исключением – каждая ягодка на этой плантации была величиной с металлическое ведро. Всего-то. И весила в среднем двадцать килограммов.

Поначалу люди не поверили своим глазам. Потом бросились за счётчиками Гейгера. К их изумлению, те ничего не показали. Нашёлся смельчак, оказавшийся моим сыном, который отважился на «подвиг во благо человечества», как он выразился, и слопал одну ягодку. Целиком. Результат был закономерным – долгая, изнурительная диарея. Не верите? Попробуйте за один присест слопать двадцать килограммов клубники. Когда его, слегка пошатывающегося после долгого сидения в позе гордого орла, осмотрели врачи, то с изумлением отметили, что молодой человек совершенно здоров. Словом, Вован рискнул и выиграл. А гигантская клубника стала одним из самых любимых десертов на наших столах. К тому же вкус у неё был изумительный!

А когда спустя некоторое время обнаружился ещё один

неожиданный эффект, то все были в шоке. Аборигенная клубника великанская, как её обозвали биологи, оказалась не просто вкусной ягодой, но и лекарством! Регулярное употребление в пищу небольших её порций полностью восстанавливало иммунную систему, работу желез внутренней секреции, омолаживало организм, возвращая коже упругость, а волосам их первоначальный цвет и густоту. Короче, человек начинал молодеть. Не слишком, конечно. Во всяком случае, не настолько, как в наших сказках о молодильных яблоках, где одно съел и в младенца превратился. Вовсе нет. Просто кожа разглаживалась, исчезали морщины, в глазах снова появлялся блеск. Шевелюры либо густели, либо начинали расти заново, причём если ты раньше был брюнетом, то и новые волосы приобретали окраску воронова крыла. Ну и наши ветераны излечивались. Те, у кого болели суставы, кто не мог разогнуться, кто имел плохое зрение... В общем, люди начали выздоравливать и приходили в хорошую физическую форму. Не скажу обо всех, но я точно за два месяца сбросил с плеч минимум десяток лет. А моя половина... Тут разговор особый. Надо сказать, что с возрастом и после рождения детей её, мягко говоря, растащило... При росте сто шестьдесят два сантиметра её вес застыл на отметке сто два килограмма. И как она ни пыталась его скинуть, сколько ни сидела на диетах и ни ездила по врачам, всё было бесполезно. Но через два месяца после того, как в нашем рационе привычным блюдом стал ломтик охлаждённой гигантской клубни-

ки, стрелка весов застыла на пятидесяти девяти килограммах... А я, в отличие от своей похудевшей супруги, начал вес набирать. В плечах, бицепсах, грудных и спинных мышцах. И не только я.

Глава 7

– Ну, что у нас плохого? – Я сидел с чашкой кофе и с тоской думал о том, что напиток подходит к концу. Скоро, увы, придётся переходить на местные настои.

Серый молча положил передо мной тонкую стопку фотографий. Самых обычных, цветных, снятых и отпечатанных на лазерном принтере. Я нехотя взял. Но когда взглянул на то, что было изображено на них, застыл. Затем, не веря самому себе, переспросил:

– Берег?

Сергей кивнул:

– Он самый. И, судя по всему, южная оконечность континента Панъевропы. – И хитро усмехнулся: – Нет желания прокатиться?

– В смысле?

– Самом прямом. Узнать новости, поискать полезное для колонии, ну и заодно проверить наш холмик. Кто знает, что могло появиться на его месте после схлопывания портала.

Я размышлял недолго:

– А стоит ли? У нас дел невпроворот. Только обустриваться начали, едва заводы запустили, да и то не все. К тому же планов громадье, как говорится. Ну и вообще... Если честно, не хочу бросать всё на полпути. Да и семья... Ты ведь мне предлагаешь глубокое внедрение?

– Нет, только нечто вроде резидентства. Нашего негласного представительства.

– Насчёт представительства возражать не стану. Но вот по поводу времени, думаю, рановато.

Он скривился:

– Да что вы все как сговорились! Рано, рано. А когда? Чего тянуть?

Я откинулся на спинку стула:

– Слушай, Серый, ты только не обижайся, но я сейчас выскажусь. Честно говоря, надоело.

Наш командир словно споткнулся:

– Что значит – надоело? Хочешь вернуться на Землю?

Я отрицательно мотнул головой:

– Нет. Надоело другое. И прости, если тебе это покажется обидным.

– Говори. – Он напрягся.

– Тогда слушай: мне надоело, что ты постоянно гонишь коней. Люди работают, колония начинает становиться на ноги. У нас куча запущенных проектов, на которые остро не хватает рук и техники. А что предлагаешь ты? Резидентура – это не просто один человек где-нибудь там. – Я вытянул в сторону руку, где, по моим представлениям, должна быть Русия. – Это жильё, документы, связи, средства, словом, куча всего того, что нам необходимо здесь как воздух. И ты предлагаешь оторвать от себя всё именно сейчас, когда мы даже толком разведку материка произвести не можем?

– Но...

Я вскинул руки, останавливая его:

– Согласен с тобой, что нам необходима информация по всей планете, которую мы частично можем получить только там. – Снова ткнул рукой в стену. – Только на данный конкретный момент она нам ни к чему. Через год-два – да. Вряд ли раньше. Но только не сейчас. Единственное, что можно не откладывать в долгий ящик, – слетать на материк, взять пару носителей языка для обучения наших местному диалекту и обычаям, прихватить местную прессу. И – пока достаточно. Да и то можно это спокойно отложить ещё на полгода. У нас море дел. Просто океан! Смотри сам: топливо. Мы работаем пока на парафине. Настоящей нефти у нас нет. И пока не предвидится. Потому что геологоразведку произвести не можем. Людей нет. Асфальтовое озеро да дрянная, по совести говоря, руда. И всё. Ни меди, ни алюминия, ни титана, ни вольфрама. Ничего. Мы даже сталь толком выплавить не можем. Я имею в виду нормальную. Скоро начнёт выходить из строя техника. И что тогда? Будем пересаживаться на наших тяжеловозов? Так, извини, пока у нас нормальный табун соберётся, сколько лет пройдёт? У нас сейчас даже дети работают! Вместо того, чтобы учиться! Мы, прости, рано или поздно вымрем. Уж такова природа человека. Рано или поздно все там будем, – ткнул пальцем в небо. – И что тогда? Что? Я тебя хочу спросить!

От волнения я невольно повысил голос, и Серёга напрягся

– он не выносил, впрочем, как и я, чтобы на него орали.

– Успокойся!

Я на мгновение замолчал, потом опять поднял руки:

– Прости. Но я считаю, ты слишком спешишь.

– И что ты предлагаешь, кроме разовой вылазки?

– Обождать. Все силы у нас брошены на то, чтобы выжить. А это тоже ошибочно. Мы должны не просто выжить, а развиваться. Двигаться вперёд. А не стоять на месте и деградировать. Сейчас у нас преимущество – знания, техника, оружие. Но ничто не вечно под луной. Рано или поздно боеприпасы закончатся. Машины сломаются, а носители знаний вымрут, не оставив после себя учеников и продолжателей своего дела.

– И ты предлагаешь закапсулироваться в своём мирке?

– Я предлагаю вначале добиться устойчивости нашей колонии. Наладить учёбу подрастающего поколения, воссоздать промышленность, построить заводы, фабрики, обучить детей.

– Нас слишком мало для этого.

– Знаешь, Серый, я очень люблю читать. И прекрасно помню прочитанное. Так в одном романе, фантастическом, мне попала на глаза одна мудрая мысль: чтобы не было деградации, нас должно быть определённое число. Сейчас мы тупо проедаем то, что притащили с собой. И наши запасы истощаются. О чём говорить, если мы даже производство ткани для одежды не можем наладить.

– Зачем?! – Он был ошарашен. – Мы же можем взять её на материке! У местных!

– Только до материка ещё добраться надо. Это раз. А два – когда мы туда попадём?

Он промолчал.

– Ты считаешь, нам ни к чему лишнее производство? И зря. Даже очень зря! Потому что у нас как раз должно быть всё! И на голову выше того, что есть у самых развитых местных! А этого как раз и нет. Мы даже патроны переснарядить не можем толком. Вручную меняем капсули, отвешиваем порох, привезённый с собой. А свой не делаем. Серёга! Не гони! Выше головы не прыгнем, и нужно укрепить колонию, добиться того, чтобы мы не забыли всё, а, наоборот, создали новое! Ушли вперёд! И чтобы наша колония росла! А не вымирала. Иначе кончим как местные. – Я в отчаянии махнул рукой, пытаюсь достучаться до его разума сквозь бушующие в командире эмоции.

Сергей молчал, по его лицу блуждали пятна. Это у него было всегда, когда он сдерживал свои чувства. Не получалось вот скрывать эмоции, хоть ты тресни. Встав со стула, я произнёс:

– Короче, я категорически против. Категорически. Колония куда важнее.

Он буквально упал на стул, обхватил голову руками и простонал:

– Так и хочу узнать, может, проход уцелел!

– А если нет? Стоит ли рисковать, Серёжа? Понадеемся, невольно расслабимся. Потом выяснится, что ничего не осталось. И что тогда? Нет. Лучше не надо. Давай работать здесь, тем, что есть и что будет. Лучше подумай, где нам женщин для наших холостяков найти. Местные бабы какие-то... не такие.

Сергей удивлённо взглянул на меня:

– Ты что?

– А что? Колония должна расти. А у нас одних неженатых вояк больше половины. И женского пола всего пятнадцать процентов от общей численности. Хочешь не хочешь, а придётся на стороне им жён искать. Вот над чем подумай. А я – прости, дела...

И только тут понял, что всё испортил, фактически согласившись, что экспедиция нам необходима. О, тьма! Идиот!!! Внезапно меня осенило, особенно когда Серый расплылся в улыбке:

– Вот видишь! Сам себе противоречишь!

– Ничего подобного!

– Как?! Только что ты сказал, что нам нужны женщины!

А местные не вызывают никаких чувств!

– Сказал. Не отрицаю. Только сам подумай: прилетаем мы в Панъевропу. Сколько нас в два-шесть влезет, а? А назад? Мы так год будем летать! И то всех не перевозим! К тому же не будешь же бросаться на первую встречную? А вдруг она ведьма?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.